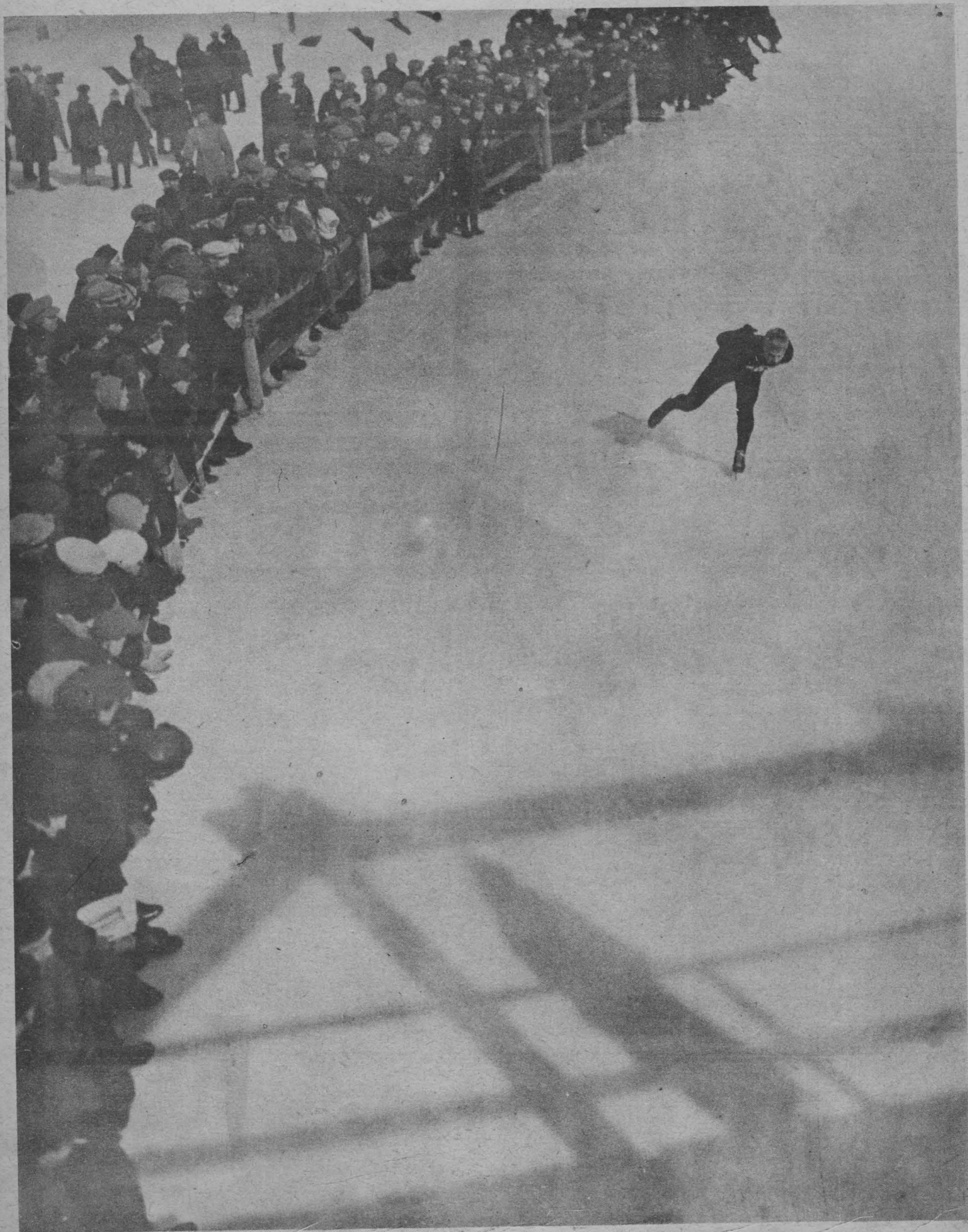


Огонек



Международные конькобежные состязания в Москве на катке МГСПС

Фот. С. Фридлянда

ЛЮБУЮ ИЗ ЭТИХ КНИГ ВЫСЫЛАЕТ ИЗД-СТВО ВСЕКОХОТСОЮЗА

ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

словов и исподлинских аистов" — 90 к., Н. Рождественский — "Спутник рыболова-удильщика" — 1 р. И. Залесский — "Наблюдения чучел птиц и зверей" — 70 к., Н. И. Яблонский и А. П. Ивашинцев — "Натаска легкой" — 75 к., Н. Н. Челлишев — "Гонимая" — 50 к., Н. Н. Челлишев — "Борьба" — 70 к., Б. Дейнерт — "Искусство стрельбы дробью" — 85 к., А. С. Бутурлин — "Дробов. ружье" — 75 к., С. А. Бутурлин — "Пулевое ружье" (печ.), В. Ф. Федосеев — "Как снимать и выпаривать пушные шкурки" — 95 к., С. А. Бутурлин — "Определитель видов птиц СССР" вып. 1. "Дневные хищники и совы СССР" — 1 р. 65 к. Н. А. Бобринский — "Определитель охотничьих и промысловых зверей" — 1 р. 50 к., О. И. Ускова — "Кролиководство и его продукты" — 1 р. 15 к., М. Петрункевич — "Легавая собака и ее натаска" (печ.), В. Н. Каверзнев — "Белка и белчий промысел" (печ.), Н. Рождественский — "Простейшие способы ужения рыбы" (печ.), Н. Рождественский — "Удочки и их снаряжение" (печ.), В. Мальцев — "Как снять, набить и сохранить шкурку птицы" (печ.), В. Я. Генералов и Ф. А. Голубин — "Дичный промысел" (печ.), С. Майоров и Н. Орлов — "Охота и молодость" — 20 к., Н. В. Хархардин — "Лесные побочные промыслы" — 1 р. 50 к., Ю. А. Кудрявцев — "Пути строительства охотхозяйства" — 1 р., Ф. Ф. Шиллингер — "Кормовые растения" (печ.), И. С. Юдин — "Что такое охотничья кооперация" — 10 к., И. С. Юдин — "Что должен знать член товарищества охотников" — 10 к., Серия многокрасоч. плакат. "Съемка и опр. пушных шкурок" (9 пл.) — 2 р. 50 к.

Большой выбор книг по охоте и рыболовству. Заказы и деньги адресовать — Москва, центр, Никольская ул. Ветшинный ряд, 5/о. Издательству Всекохотсоюза.

КРАСИВО, БЫСТРО и правильно можно научиться писать и исправлять почерк по рук. проф. П. В. Моискина, допущ. Гос. Учен. Сов. и реком. МОНО, выс.с. налож. платеж. за 1 р. 75 к. Подготовка к экспертизе машинист. и счетн. работн. прием от 3—6 ч. Москва, Новинский б., уг. Кудрин. пл., 44. П. В. Моискину.

ИЗУЧАЙТЕ
РЕМЕСЛА НА ДОМУ
ОСЕСАРНЫЕ, КУЗНЕЧНЫЕ, СТОЛЯРНЫЕ, КАРТОНАЖНЫЕ и друг. работы по САМОУЧИТЕЛЬНОЙ Вексельта. 884 рис. Ц. 2 р. о перес. Москва, Моховая 22/3. Носп. Т-во "САМООБРАЗОВАНИЕ"

ДЕШЕВЫЙ СТОЛ
Настольн. поварен. книга разнообр. пишу, ассорти. меню в 500 разн., питательн. вегетарианских диетических блюд (завтраки, обеды, ужины, десерты, печенье и пр.) пост. С. Аннина Ц. 1 р. 50 к. Выс.с. наложен. платеж.
Москва, Политехнич. Музей 110/0 Носп. Т-во "КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ"



ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИТЕЛЕЙ ПО НОТНОЙ ИЛИ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ:

НА ГАРМОНИКЕ
Самоуч. Сергиева и Голубева для весел. двухр. русск. или нем. строя 21 кл. 12 бас., с приложением 20 пес. Ц. 1 р. 25 к. 2 альб. пес. (по 10 ММ). Ц. 75 к.

НА БАЛЛАДАХ
Самоуч. Илюхина. Ц. 1 р. 25 к. 4 сборника песен Луковичева от 60 к. до 80 к.
Ильин А. — Самоуч. (только по цифровой системе). Ц. 60 к.
М. Ираев. — Сборник песен — отрывки из опер (только по нотной системе). Ц. 40 к.

НА МАНДОЛИНЕ
Самоуч. Петрова. Ц. 1 р. и 18 альбомов от 50 к. до 75 к.

НА ГИТАРЕ
Самоуч. Успенского. Ц. 1 р. 75 к. 6 альбомов от 50 к. до 75 к.
Альбомы Любавина (только по цифровой сист.). От 1 р. до 2 р.
Заказы до 5 р. высылаются наложен. плат. без задатка; свыше 5 р. по получ. задатка.
Пересылка за счет заказчика.
Москва (центр). Неглинная 1410. МУЗСЕНТОРУ ГОСИЗДАТА, или Ленинград, просп. 25 Окт. № 66. МУЗСЕНТОРУ ГОСИЗДАТА.

КНИГИ ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ НАУКИ И ТЕХНИКИ
высылают наложен. платежом
Книжный сектор **НУБУЧА**.
Ленинград, Мойка, 53/0.
КАТАЛОГИ И ПРОСПЕКТЫ БЕСПЛАТНО

ПРИБОР ПРОТИВ КУРЕНИЯ "НЕ КУРИ"
Испытан Гос. Научн. Институтом Разрешен Наркомздравом
На каждом приборе имеется номер Свид. Ком. по Дея. Изобр. 17626. Требуется только по способу употребл., снабженным означенной подписью изобретателя. Цена 3 р. 75 к. (вкл. нал. плат. при зал. в 2 р. можно мелк. почт. марк.). При 3-х шт. перес. беспл. (Имеются мужские и женские).
МОСКВА, почт. ящик 733.
Э. Типман.

РУЧНОЙ ТРУД САМОУЧИТЕЛЯ
столярн., токарного, слесарн., литейн., кузнечн. жестян., перепл., картонажн., гончарного
КРОЙКИ И ШИТЬЯ
вязанья, вышиванья, выпиливания, выжиганья, вырезания и мн. др. с 199 рисунками и образцами работ. Самодельное изготовление инструментов. Цена с перес. 8 руб.
Высылают **Брокгауз-Ефрон**.
Изд-во Ленинград. внутри Гостинного двора 124/0. А. ПЕРЕЛЬМАН.

Открыта подписка с **АПРЕЛЯ** до конца года
на **ОГОНЕК** и
„Библиотеку ОГОНЕК“

„БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК“
самая популярная из маленьких библиотек, издающихся в СССР; издает книжки всех лучших современных советских писателей; издает книжки замечательных в художестве, отношении современников Запада; издает в сокращенном переводе лучшие образцы мировой литературы; издает юмористические рассказы лучших советских и иностранных писателей; разошлась в количестве около 10 МИЛЛИОНОВ КНИЖЕК.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: „Огонек“ с „Библиотекой“ с апреля до конца года (9 м.) — 10 р. 75 к., 6 мес. — 7 р., 3 мес. — 3 р. 75 к., 1 мес. — 1 р. 40 к., „Огонек“ без „Библиотеки“: 9 мес. — 3 р. 60 к., 6 мес. — 2 р. 40 к., 3 м. — 1 р. 20 к., 1 м. — 40 к.
МОСКВА 6, Страстной бульвар, 11 „ОГОНЕК“
Подписка также принимается повсеместно на почте и контрагент.

ХОУДОЖЕСТВ. ПОРТРЕТ
увеличен.
может каждый прислать и получить ЛЮБУЮ ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТОЧКУ.
Цены: 18×24 с/м. 5 р. 50 к., 24×30—7 р., 30×40—10 р., 40×50—16 р., 50×60—20 р.
Тон сепии (коричнев.) на 25% дороже, в красках на 50% дороже.
Заказы выполняются быстро и аккуратно. Выс.с. налож. платежом без задатка. Оригиналы возвращаются.
Худож. Ателье „ФОТО-АРС“
Москва, пр. Худож. театра, д. 1. п. 15. Заказы направлять: Москва 9, почт. ящ. № 846. А. М. Рубинштейн.

ПОКУПАЙТЕ БЕЗ РИСКА
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КУРАНТ ЗА 20 КОП. МАРКАМИ ВЛОЖЕН В КОНВЕРТ
СПЕЦИАЛЬНАЯ МОСКВА. ТЕРСКОЯ, 68/С. И. МОМЕНТ
ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА
ТУАЛЕТНОЕ ДУХИ
МЫЛО ПУДРУ
ОДЕКОЛОН КОСМЕТИКУ
„ЛЕНЖЕТ“
НЕ УСТУПАЮТ ПО КАЧЕСТВУ и ВНЕШНЕМУ ВИДУ ОДНОРОДНЫМ ИЗДЕЛИЯМ ЛУЧШИХ ЗАГРАНИЧНЫХ ФИРМ
ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ — „ЛЕНЖЕТ“

Путешествия
Приключения
Открытия
Изобретения
Новости науки
и техники
Физкультура
Спорт
ВСЕ ЭТО ВЫ НАЙДЕТЕ
В НОВОМ ЖУРНАЛЕ
НА СУШЕ
и НА МОРЕ
Вышел № 2. Требуется везде.
Цена №-ра — 15 коп.
Подписн. плата: год — 1 р. 45 к., 6 мес. — 75 к., 3 мес. — 40 коп.
МОСКВА Центр, Новая пл., 6. Изд. „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“, либо отдайте ее в ближайшую почт.-телегр. контору.

УЧИТЕСЬ ПИСАТЬ
ПО-РУССКИ
ТРЕБУЙТЕ КНИЖКИ ИЗДАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА
Договор. Сборник упражнений для самостоятельного изучения русского правописания 3-е исправл. издание, ц. 1 р. 30 к.
Введенский — Пиши грамотно! Таблицы правописания слов и знаков препинания. 8-е доп. изд., ц. 60 к.
В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ВЫХОДИТ А. Я. Руднев. Начальные сведения. Самоучитель для взрослых. 212 стр. 140 рис. Ц. 1 р. 80 к.
Заказы направлять по адресу: МОСКВА 55, Мусоуская пл. д. № 2. Издательство Коммунистического им. Я. М. Свердлова.
При высылке всех денег вперед книги высылаются за счет Издательства. Можно и налож. платежом.

КАЖДЫЙ МОЖЕТ ПОДГОТОВИТЬСЯ В ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ПО ИЗДАНИЮ
„ГОТОВЬСЯ В ВУЗ“
Обществовед., русск. яз., матем., физика — 7 кн., 3.000 стр. (По программ., утв. ВКП на 1929 г.)
1-ая кн. нового тиража выг. в марте, все изд. будет законч. в мае с.г. Усл. подп.: за 7 кн. — 13 р. (при подп. за 3 кн. — 3 р., остальн. нал. плат. по 2 руб.).
РАЗШЛОСЬ 56.000 КОМПЛЕКТОВ
Для подписчиков прежних и настоящего тиража организована ЗАОЧНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ: 1-й абонемент — Рассылка и проверка контрольных работ подписчиков по всем предметам — стоимость 8 руб., 2-й абонемент — Рассылка и проверка контрольных работ подписчиков по всем предметам и ответы на их индивидуальные запросы (до 10 запросов), стоимость 12 р.
Заказы направл. Из-ву „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
Москва 19, Воздвиженка, 10.

ЗДОРОВЬЕ И КРАСОТА
результат ПРАВИЛЬНОГО УХОДА за телом, которому легко научиться по полн. рук. М. АЛЕКСАНДРОВСКОГО.
НОВИНКА 1929 г.
КОСМЕТИКА
Уход за кожей. Устранение угрей, веснушек, пятен, красноты, потливости, морщин, бородавок. Масаж лица и тела. Комнати. и ритмическ. гимнастика. Уход за ногтями (маникюр). Уход за волосами (выпадение, окраска и удаление волос). Рецепты для самостоятельн. изготовл. парфюмерн. и косметич. средств (кремов, мыла, паст и пр.).
Свыше 250 стр., цена о пересыл. 2 р. 25 к. высылают (можно нал. платежом). Книжное дело „ЛИТЕРАТУРА“ Одоола, ул. Лассала, 26/о. М. Доворец.

ИСКЛЮЧИТ. КРАСОТЫ
ЖЕМЧУГ
ПАРИЖСКОГО ТИПА
Не отлич. от настоящ. массивн. небьющийся.
Цены вне конкуренции.
ОЖЕРЕЛЬЕ
с сереб. замк.
45 сант. 8 р.
60 " " " " " 10 р.
100 сант. без замк. 15 р.
130 " " " " " 19 р.
150 " " " " " 21 р.
170 " " " " " 25 р.
СЕРЕЖИ модн. фасон. сереб. замк. — 3 р. 50 к.
Высыл. налож. платежом. Упаковка и перес. бесплатно.
Москва Гл. почта, аб. ящ. 635. А. Г. Тимефарб.



Подсчет голосов на выборах в польский парламент в январе 1928 г.

„ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВЕСЕЛЫЕ БЮДЖЕТЫ“

От нашего варшавского корреспондента

Польша входит в фазу чрезвычайно острого хозяйственного кризиса, ознаменовавшегося уже ростом безработицы, свертыванием производства, невероятными банкротствами и волной опротестованных векселей.

Случилось, что в борьбе Пилсудского с сеймом последний решил урезать из личного секретного фонда министра военных дел Польши 2 млн. злотых. Авторитетные круги взбеленлись. Когда бюджет военного министра рассматривался в сенате, неожиданно появился сам Пилсудский защитил его. Появление Пилсудского произвело большое впечатление на сенаторов, которые сочли это за большую честь.

Речь Пилсудского, произнесенная в этой комиссии, разочаровала господ сенаторов. Он заявил, между прочим:

— Прежние бюджеты я называю „веселыми бюджетами“, так как печальная история наших военных бюджетов заключается не в чем ином, как в явном расхищении их и в самых распространенных денежных злоупотреблениях. Это были „веселые бюджеты“, ибо мне известны случаи расходования сумм военного министра на шикарные пиршества с девицами из публичных домов, устроенные для господ депутатов господами министрами военных дел. „Веселые бюджеты“

были золотым периодом для господ депутатов сейма. На бюджетные суммы одновременно содержались их любовницы и оплачивались расходы партий. Бюджеты раскрадывались самым наглым образом.

Эти не лишние пикантности разоблачения, автором которых является не кто иной, как маршал Пилсудский, встревожили мирный покой ушедших уже в отставку бывших министров военных дел. Газеты опубликовали точный список всех прежних министров военных дел, предоставляя почтеннейшей читающей публике догадываться, кто из бравых генералов больше других отличился на фронте публичных домов.

Разоблачения Пилсудского не остались без отклика. Посыпались, естественно, контрразоблачения, из которых стали известны тайны не менее веселых бюджетов послемайского периода. Оппозиционная партия Вызволнение констатирует в своей последней политической резолюции следующее:

„Некоторые лица, принадлежащие к правительственным сферам в Польше, дают публично дурные примеры жизни не по средствам. Постоянное участие этих людей в невероятных дорогих попойках и пиршествах в Варшаве и в провинции начинают напоминать пресловутые саксонские времена

в Польше. Это тем более преступно, что Польша переживает теперь период тяжелого экономического кризиса... Слишком дороги также и шикарные официальные торжества, и устраиваемые банкеты и рауты... Поэтому правительственные сферы стремятся своим проектом новой конституции закрепить навсегда свою власть в государстве и устранить фактический контроль народного правительства“.

Так уже заведено, что стоит лишь приоткрыть одну „панаму“, как сразу, как из рога изобилия, сыплются другие.

В бюджетной комиссии сейма рассматривается теперь вопрос о незаконных перерасходах в размере 560 млн. злотых, допущенных правительством в 1927/28 году. В поисках того, на что, собственно говоря, ухлопаны эти деньги, бюджетная комиссия натолкнулась на весьма интересные подробности. Констатировано, что в декабре 1927 г. и январе—феврале 1928 г. президиум совета министров перерасходовал 8 млн. злотых по статье секретных расходов. Эти 8 млн. в четыре раза превышают весь годовой бюджет президиума совета министров. Пикантность этого факта усугубляется тем, что декабрь 1927 г. и январь—февраль 1928 года были месяцами предвыборной борьбы. Просто, деньги пошли на организацию „блестящей победы“, одержанной правительственным блоком во время выборов.

Сколько было пожертвовано на оздоровление польского парламентаризма другими министерствами, имеющими свои собственные секретные фонды,—неизвестно, по статистике, вероятно, известным в будущем.

И. Кузнецов



Маршал Пилсудский

Умер маршал Фош — главный деятель французского милитаризма, заслуженный воин капитала. Это он играл руководящую роль на версальской конференции и требовал раздробления Германии создания независимой Рейнской республики. Это он представил версальской мировой конференции знаменитый меморандум об активной вооруженной интервенции в союзе с Англией против СССР. Два года назад, в интервью с сотрудником английского журнала „Реферс“, он снова



требовал интервенции, единственно способной, по его мнению, покончить с большевистской опасностью. В последнее время Фош вдохновлял кампанию военных кругов против эвакуации рейнской области. Одним зубром стало меньше. На пост генералиссимуса французских войск претендует уже целый ряд новых, более молодых, но не менее рьяных зубров.

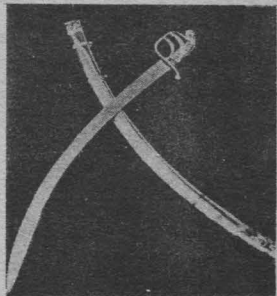
Носке на отдыхе. Один из сотрудников Носке — Бруно Линднер, арестованный 15 января 1919 года Розу Люксембург и Карла Либкнехта, получил от банкиров и торговцев за свой „героический“ поступок 950 марок. Такова цена чече-



вичной похлебки рядового наймита буржуазной реакции. Сам Носке получил большой куш за свое предательство и, превратившись в крупного капиталиста, сейчас наслаждается отдыхом от славных дел на солнечном острове Мадейра.

Право на краму. Много грязи и ругани вылила буржуазия на правительство СССР за то, что оно конфисковало в пользу государства алмазный фонд царя и ценности бежавшей за границу буржуазии. „Советы ограбили царскую сокровищницу“ — кричали они на всех углах. Алмазы, накопленные кропотливым трудом многомиллионного народа, по их мне-

нию, принадлежат не народу, создавшему эти сокровища, а горстке эксплуататоров. Понятно, что совершенно иначе эта клика поборников неприкосновенности чужой соб-



ственности относится к алмазам, вырезанным бежавшими из России аристократами. Покойный Николай Николаевич оставил своим наследникам сотни карат. Его жена поручила реализовать ожерелье в 278 карат услужливому зам. Джойнсона Хикса — Лемпсону. На нашем снимке: сабли Николая Николаевича, в рукоятку которой вделаны 32 карата бриллиантов.

Арраго побит. Знаменитый математик — фокусник Арраго, мировой калькулятор, потерпел поражение. Его перешагнул скромный студент Ленинградского института инженеров путей сообщения П. В. Мелентьев (на нашем снимке).



Тов. Мелентьев утверждает, что в его вычислениях нет ничего чудесного. Все дело в системе математических и мнемонических методов. Тов. Мелентьев в первом же своем выступлении в Институте инженеров путей сообщения разъяснил все применяемые им методы, до сих пор тщательно скрывавшиеся математическими „гениями“.

Ценная находка. В Ленинграде, в помещении, занимаемом



ранее Азовско-Донским банком найдены картины П. Е.

Репина и известного армянского художника Суреньянца. Картина Репина (см. снимок) будет передана в Государственный Эрмитаж в Ленинграде. Картина Суреньянца, относящаяся к 1912 году, предложено передать в Национальный музей Армении.

„Долетался“. Нобиле своей скандальной авантюрой опозорил себя. Муссолини, превыше всего ставя престиж итальянского фашистского государства, мечет громы и молнии на



своего бывшего любимца и лишил его звания, орденов и отличий. Нобиле, превратившись в унтер-офицера, которая сама себя высекала, должно быть, дорого дал бы за то, чтобы вычеркнуть из своей биографии бесславную страницу.

Резкое увеличение количества автомобилей в СССР, которое предстоит нам в ближайшие годы — постройка нового завода, с выпуском 100.000 автомобилей в год, расширение существующих автомобильных заводов и пр. — все это заставляет нас внимательно изучить опыт заграни-



цы и, в частности, самой автомобильной промышленности в мире страны — САСШ. Изучение американской автомобильной промышленности в прошлом и настоящем представляет огромный интерес, ибо там развитие этой промышленности приняло совершенно исключительные размеры. Продукция американской авто-индустрии достигает 5 миллионов автомобилей в год. История развития американской авто-индустрии в прошлом и настоящем будет в Москве посвящена лекция зам. председателя Автодора т. Н. Осипского 3/IV с. г.

Только что вышедший № 3 журнала „Изобретатель“ ставит на очередь ряд важных актуальных вопросов.

Анкета журнала „Что надо изобретать“, помещенная в прошлом номере, не осталась безрезультатной. В очередном номере „Изобретатель“ дает исчерпывающий „список технических заданий для изобретательства“ во всех отраслях нашего народного хозяйства. На ряду с этим журнал подробно освещает работы комиссии Госплана по изобретательству. В плановом порядке эта тема ставится впервые в истории техники. До сих пор изобретательство казалось областью „случайной“, „анархической“. Включение proletарского творчества в пятилетку, совершаемое ныне Госпланом, является очень важным и значительным шагом вперед.

В напечатанной в № 3 „Изобретателя“ статье пред. Совнаркома Украины тов. Чубаря указывается, что „работе изобретателя должно принадлежать первое место в нашей эпохе строительства социализма“. Но в напечатанном рядом очерке Ивана Жиги описывается, как на Люберецком заводе рабочего-изобретателя гравят сами же рабочие, товарищи по ставке. Потрясающие факты этой трагедии, напечатанные с фото-документами, являются тревожным сигналом.

В номере помещен ряд анкет по наиболее острым вопросам изобретательства, бытовых очерков и писем с мест, не только из городов СССР, но и из Берлина, Нью-Йорка.



Воллентен „Изобретателя“ дает на этот раз подробности о новом „конкурсе на лучшее промышленное изобретение“ в СССР.

Особо следует упомянуть об интересной мысли, какую ставит редакция журнала „Изобретатель“. Если армия рабочих имеет свой праздник, день печати, 5-е мая, — то и армия „рабочих техники“, рабочих „изобретателей“ имеет право на такой же праздник. Такой день новой техники и индустриализации, день рабочего изобретателя журнал предлагает приурочить ко 2-му мая с тем, чтобы этот день из года в год являлся днем подсчета наших сил, наших успехов и срывов на изобретательском фронте.

На снимке: обложка № 3-го „Мал золотник, да дорог“. Это — золотник изобретателя Трофимова, каким оборудовано свыше 3.000 советских паровозов. Изобретение даст транспорту экономии свыше 5 миллионов в год.

„Путешествие в Лалуту“ — наименее известный эпизод из эпопеи „Путешествия Гулливера“ Джонатана Свифта. Здесь знаменитый сатирик издевается над научной магией, охва-

тившей современное ему общество. Он осмеивает все отрицательное, связанное с изучением науки, неприменимой к жизни и жизненным явлениям, он находит благо-

ДЖОНАТАН СВИФТ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛАПУТУ

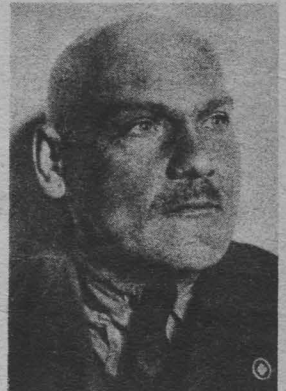


ВЫПУСК № 3
АКЦИОНЕРНО-ОБЩЕСТВО
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПРОДЮСЕРСКОЕ

дарную почву для забавных выпадов против педантических ученых и беспочвенных изобретателей.

Сатира написана необычайно ярко и остроумно; она также захватывает читателя, как и другие эпизоды из бессмертного романа. „Путешествие в Лалуту“ вышло в Библиотеке „Огонек“ в новом переводе А. Л. Дейча.

И. Крыленко, помимо своей общественно-политической деятельности, известен еще и как серьезный турист-путешественник, имеющий и на этом своем поприще весьма солидный стаж. В книжке, изданной Библиотекой „Ого-



нек“, И. Крыленко рассказывает о переходе через один из самых трудных перевалов Северного Кавказа — Местийский. Простое, четкое и богатое наблюдениями изложение делает книжку И. Крыленко весьма занимательной и интересной.

По техническим обстоятельствам сроки выпуска очередных книг (с № 3) сочинений Чехова изменяются.

Точные сроки выхода будут указаны в ближайших номерах.

ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ БРОКДОРФА-РАНЦАУ

Верность до конца дружбе с СССР Выдающийся человеческий документ.

В конце прошлого года умер один из самых талантливых дипломатов послевоенной Германии, германский посол в СССР — граф Брокдорф-Ранцау. Вышколенный для дипломатической карьеры еще до мировой войны, Брокдорф-Ранцау только после заключения мира получил возможность полностью развернуть свою деятельность. Послевоенная карьера Брокдорфа началась в Версале и кончилась в СССР.

Брокдорф-Ранцау вошел в историю своим поступком: будучи министром иностранных дел побежденной Германии, он демонстративно отказался подписать грабительский версальский договор, вышел в отставку и вернулся к дипломатической деятельности лишь через три года в качестве германского посла в Москве.

Два этапа: отправной и конечный пункт на пути дипломата — Версаль и СССР — не просто названия. Нет, это вся сущность, вся основа послевоенной политики Германии, ее политическая диалектика.

Несмотря на свою голубую кровь, несмотря на европейский лоск аристократа и сановника, Брокдорф-Ранцау сумел расположить к себе рабочих и крестьян.

В течение шести лет, с 1922 по 1928 г., занимал Брокдорф-Ранцау ответственный пост представителя буржуазного государства в стране пролетарской диктатуры.

Брокдорфу удалось осуществить огромную задачу — связать деловым контактом две страны, различные по государственному строю, по идеологической основе.

Он доказал, что можно и должно искренно сотрудничать в деловом отношении с СССР, что это сотрудничество капиталистических стран с пролетарским государством в переходную его эпоху полезно и выгодно для обеих сторон.

Смерть настигла Брокдорфа в тот момент, когда последствия версальского мира

и локарнского договора и вступление Германии в Лигу Наций свершили свой первый логический круг, когда германская политика очутилась на перекрестке политических противоречий Америки и Англии.

Германия потеряла в лице Брокдорфа выдающегося дипломата, СССР потеряла в нем первоклассного партнера в работе по укреплению дружбы между Германией и СССР.

ских дипломатов и американского доллара.

Ярким штрихом, характеризующим выдержанность и настойчивость Брокдорфа в выполнении взятой им на себя общественно-государственной задачи, может служить приводимый нами исключительный документ.

Находясь на смертном одре, чувствуя приближение последнего часа, Ранцау думал о СССР, о своих блестящих дипломатических партнерах и

сотрудниках, о наших красных дипломатах — о гг. Чичерине и Литвинове. За полтора часа до своей смерти он заставил своего брата написать следующее письмо тов. Г. В. Чичерину:

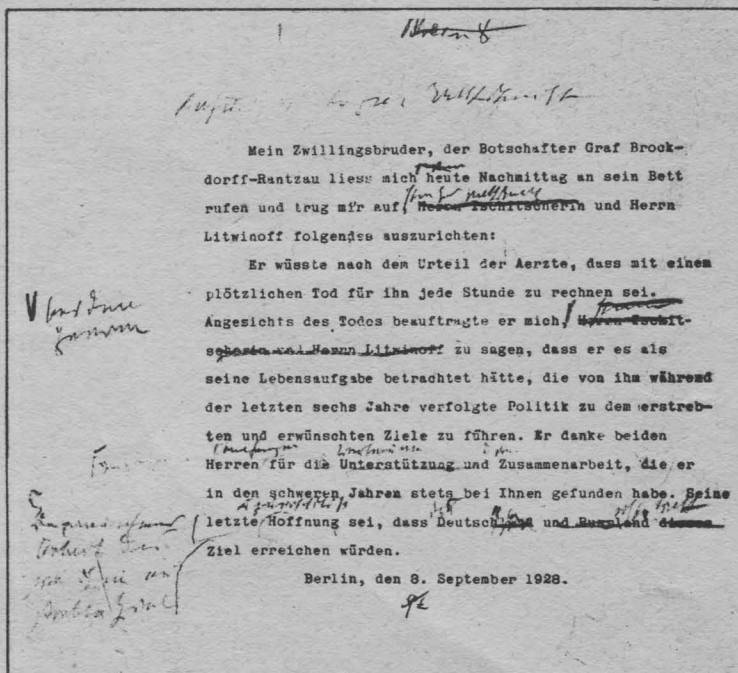
„Уважаемый господин народный комиссар. Мой брат — посланник Брокдорф-Ранцау — призвал меня сегодня к себе и поручил мне сообщить вам и господину Литвинову следующее.

По мнению врачей, смерть может наступить каждое мгновение. Перед лицом смерти он поручил мне сообщить вам, что он постоянно считал своей жизненной задачей довести до предначертанной цели проводимую им в течение последних шести лет политику.

Он благодарит вас, а в особенности г. Чичерина, за доверие в совместной работе, которым он пользовался в течение всех этих лет. Его последние надежды и желания направлены к тому, чтобы германский и русский народ в совместной работе добились намеченных им целей.

Берлин, 8 сентября 1928 г.

Эрист, граф фон Ранцау“.



Ранцау до последней минуты своей жизни оставался феодалом, дворянином, убежденным националистом. Но Ранцау понял, что СССР представляет собою грандиозную силу, с которой приходится считаться всему миру.

Он доказал всем своим западно-европейским друзьям, что царская Россия окончательно и бесповоротно отошла в область преданий, что СССР — единственная страна, население которой не боится французских офицеров, англий-

ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ БАШКИРИИ

Исполнилось 10 лет существования Башкирской советской республики, первой автономной республики в федерации советских республик.

За истекшие 10 лет трудящиеся АБССР проделали громадную работу.

В области сельского хозяйства, являющегося основой народного хозяйства Башкирии и пережившего громадные потрясения за годы войны и голода, мы видим несомненные успехи.

Проводится реконструкция сельского хозяйства; урегулированы земельные взаимоотношения; создана волостная агрономическая сеть; за счет государства проводится сплошное землеустройство; реорганизуются хозяйства в засушливом и горно-лесном районах.

Промышленность во время гражданской войны была совершенно разорена; оборудование фабрик и заводов было или разрушено белыми, или разграблено и увезено их прежними владельцами.

В большинстве случаев за эти 10 лет пришлось создавать оборудование заново и затрачивать на капитальный ремонт громадные средства. Несмотря на такие условия, промышленность Башкирии сейчас полностью восстановлена. Уверенно, с величайшим энтузиазмом и верой трудящиеся АБССР переходят во второе десятилетие существования своей республики.



Делегация рабочих и крестьян Башкирии у зам. председателя СНК РСФСР — т. Рыскулова
Фот. Н. Максимова

КАФЕ „ФАЙФ О'КЛОК“

Очерк *Матвея Ройзмана* Фото-иллюстрации *А. Шайхета*

Степан Михайлович Смородинов, бывший советник коммерции и директор-распорядитель российского страхового общества „Саламандра“, пошатал по комнате и, поглаживая холеную бороду, сказал своей жене, Клавдии Ивановне:

— Я закрываю мое дело. Надо произвести реорганизацию. Я думаю, Клаша,

довесь пятьдесят грамм, тебе расчетную книжку в зубы, и айда в Рахмановский!

Когда все отговорили по третьему разу, Курц от имени собравшихся попросил Степана Михайловича высказать свое мнение.

— Я согласен, что нам необходима артель!

— Но какая артель? Если мы хотим регистрироваться в кустпроме совнархоза, то нам необходимо пойти к нотариусу, предъявить ему наши профессиональные билеты, и нас исключат из союза. Конечно, никто из нас этого не сделает, потому что многие не состоят в союзе, а другие не бросят службу. Я предлагаю другое: мы должны организовать из наших жен и доверенных лиц частный коллектив, а сами будем потихоньку помогать!

— Хорошо, да не очень!—воскликнул Дробин. — Артели с патента скидка, а коллективу никакой!

— Вот и договорились до самого главного!—ответил и снисходительно улыбнулся Степан Михайлович. — Мы выберем бесплатный патент!

— Мы приглашаем в заведующие нашим кафе Жмуркина!

— А это что за птица?

— Мой старый приятель, инвалид первой категории!

— Ах, чорт подирай!—не выдержал своего восторга Курц и вскочил со стула.

Дробин написал протокол об организации трудового коллектива „Освобожденный Труд“, в который вошли жены присутствующих. Заведующим кофейной был назначен Жмуркин, с единоличной ответственностью перед административными и финансовыми органами и с ежемесячным окладом в сто пятьдесят рублей. Тут же в юрисконсульты пригласили Степана Михайловича, в казначеи — Слютикова, а в секретари и делопроизводители — Дробина. Долго спорили о названии кофейни. Степан Михайлович пригласил в комнату женщин, и, по настоянию Мери Григорьевны, окрестили кофейню по-английски: „Файф о'клок“.

ми, скумбрией, шпротами, провансалем, тарелки с нарезанной севрюгой, семгой, колбасами, ветчиной. Около десятка бутылок с вином, два графина с водкой, высокие кувшины с лимонадом и морсом, длиннорылые вазочки с тронутыми морозом хризантемами,—все радовало глаз и сердце. Женщины привели в порядок свои туалеты, мужчины откупорили бутылки. Когда Слютиков, перестав стыдиться своих рук, вылебнул бокал лимонада и уверял, что это настоянная на лимонной корке водка, Степану Михайловичу доложили, что его спрашивает солдат. Смородинов вскочил со стула, вышел в переднюю и вскоре вернулся под руку с рыжеусым инвалидом, правая нога которого была на деревяжке.

— Позвольте вам представить пролетария и бойца, товарища Жмуркина. Ура!

Пока гости кричали „ура“, Жмуркин быстро прохромал к столу, сел на стул Степана Михайловича, выпил его стакан вина и закусил его куском ветчины.

— Ты что ж не угощаешь, мадам?—спросил он оробевшую Мери Григорьевну и, не дожидаясь ответа, схватил одной рукой бутылку мадеры, а другой придвинул к себе салатник с провансалем.

Чтобы как-нибудь унять гостя, Степан Михайлович протиснулся к нему с левого бока и стоя сказал ему, что его, Жмуркина, собрание членов „Освобожденного Труда“ утвердило заведующим кофейной „Файф о'клок“. Услышав сумму жалованья, инвалид оттолкнулся от стола.

— Кому сто пятьдесят? — заорал он, мотая головой и закатывая глаза, как попугай. — Думаешь, на нас спросу нет, а ты вот выискался и осчастливил Жмуркина! Отправить тебя в МУУР, Мурочка покажи тебе, мамашку твою за ляжку!

Тут Степан Михайлович не выдержал, схватил Жмуркина за руку, открыл дверь будуара и втолкнул его туда. Через несколько минут оба они вышли из комнаты. Инвалид, приглаживая рыжие усы, смотрел исподлобья, Степан Михайлович, наоборот, весело обводил всех глазами:

— Господа, мы допустили ошибку! — воскликнул Смородинов. — Заведующему



Инвалид найден

в воскресенье устроить деловое совещание.

Клавдия Ивановна слушала мужа, но думала о шелковом гарнитуре белья, покупка которого теперь откладывалась на долгий срок.

В воскресенье к Степану Михайловичу пришли его друзья с женами. Заусайлов, негласный пайщик хлебпекарни „Красный Пекарь“, привел с собой сестру, поклонницу джаз-банды и чарльстона, Мери Григорьевну, и мужа ее, владельца мебельного магазина, Дробина. Клавдия Ивановна рассидела в первой комнате, столовой, женщин, а во вторую, еще по-старому называвшуюся будуаром, спроводила мужчин.

В „будуаре“ Степан Михайлович попросил Дробина писать протокол, а бывшего консультанта „Московской Стройки“, Германа Курца, — председательствовать. Курц постукал чайной ложечкой о пустой стакан и объявил совещание открытым. Степан Михайлович рассказал о своем положении, пожалел, что приходится бросать помещение на бойком месте и предложил открыть на артельных началах кофейню. Все наперебой стали кричать и спорить. Курц, от волнения попадая ложечкой мимо стакана, надулся, как индюк, и завизжал:

— Ruhig, meine Herrn! Наш программ имеет шетире вопрос, — и заглянул в записку, подsunутую Степаном Михайловичем, — erstens, форм коллектив для эксплоатаций кафе!

Заусайлов попросил слова.

— Врать не стану! В нашем положении подсобное дельце — благодать! Только в нынешнее время намаешься с устройством! Мой приятель Галкин, из Охотного, так сварганил молочную кооперацию, полез в кустсекцию, а ему начисто отказали! Тоже парень-то не дурак: имел в артели одного коммуниста!

— Значит, одного мало! — авторитетно заявил Дробин. Мне в аукционной камере давно советуют — „возьмите в завь партияца, в раю жить будете!“

— По-нашему, тут политика ни при чем! — возразил Слютиков, пряча закорюченные руки под стол. Он заведывал продовольственным магазином „Николо-Спаской кооперации“, считал себя опытным хозяйственником и давал это понять другим. — Будь ты сам Карл Марксевич и не



Теплая компания рассчитывается

В первой комнате был накрыт раздвинутый доотказа стол, на нем змейкой извивались жестяные коробки с анчоуса-

кафе полагается натуральное довольствие, прозодежда и прочее. Всего с жалованьем двести пять рублей. Вы не возражаете?

Гости (гласились, Степан Михайлович пожал Жмуркину руку и велел Дробину исправить протокол. Мери Григорьевна завела крошечку-патефончик, крошечка заорал не своим голосом английскую песенку, чужие мужья обняли чужих жен и поплыли с ними в фокстроте.

Под кофейню Степан Михайлович уступил свой магазин санитарии и гигиены на Сретенке. Ящики с бандажами, предохранителями и всевозможными судами поставили к контору. В витрине вывесили картон: „Здесь в скором времени открывается кафе“, и тогда Герман Курц привел техника „Московской Стройки“. Техник осмотрел помещение, вымерил, прикинул на листочке смету, Курц одобрил ее, и смета, как пуля, пролетев все комиссии и отделы, была утверждена. В две недели отремонтировали помещение и тогда пришел Дробин со своим старшим мастером. Мастер пошагал по помещению, приложил к одной, к другой стене складной метр, написал огрызком карандаша колонну цифр в записной книжечке, показал Дробину; тот не смотря кивнул головой, и со следующего дня в кофейню повезли столы, стулья, прилавки, зеркала, картины, ковры, коврики, плевательницы, гардины и кучу той дребедени, которой не подберешь названия, но без которой ни одна первоклассная кофейня не может существовать. Степан Михайлович позвонил по телефону Слютикову, хозяйственник приехал на автомобиле, предложил Степану Михайловичу написать заявление о доставке продуктов в кредит, на ходу положил заявление в свой „ответственный“ портфель, и на следующий день продовольственный магазин „Николо-Спасской кооперации“ уведомил, что коллективу „Освобожденный Труд“ предоставлен просимый кредит.

В субботу утром повесили вывеску, где золотыми латинскими буквами горело название кофейни. Вечером распределили, кто будет подавать посетителям и кто готовить на кухне. Женщины едва не поссорились друг с другом: каждая хотела сесть за кассу, но это опасное место давно было забронировано Степаном Михайловичем за Клавдией Ивановой. Курц сказал, что всякий труд возвышает человека, и, по ехидному предложению Мери Григорьевны, его уполномочили быть кухонным мужиком. Немец числился лицом без определенных занятий, ему это предложение было на руку, и он с удовольствием согласился чистить котлы, топить плиту и выносить помойное ведро, чтобы впоследствии зачислиться в профессиональный союз.

В воскресенье в одиннадцать часов утра в кофейню явился струнный оркестр. В полдень в кофейню прибыл Жмуркин, обошел со Степаном Михайловичем все углы и закоулки, все попробовал и все потрогал руками.

— Старайтесь, братишки, — воскликнул он. Подымай нашу кофейную артель на международную линию.

— Ура!

Степан Михайлович пошел отворять дверь, Клавдия Ивановна перекрестила его вслед, пианист занес руки над клавишами, и как только Степан Михайлович повернул ключ, оркестр грянул „Интернационал“. Словно куры перед новым курятником, публика забегала взад и вперед, стала заглядывать в окна, и вдруг по одному, попарно, по трою — хлынули в кофейню. Этот день дал такую прибыль и надежду, что члены „Освобожденного Тру-

да“ прониклись друг к другу любовью, и даже Жмуркин, нахально отправивший в рот с добрый десяток пирожных, был прощен и обласкан.

Замечательная идея бывшего советника коммерции защищала коллектив от всяких непрошенных гостей: приходил ли представитель из месткома Нарпита, ему сухо заявляли, что здесь частный коллектив, и



Дружеская пирушка

колдоговор не нужен; появлялся ли инспектор охраны труда, ему вежливо говорили, что здесь нет членов профсоюза и, собственно, охранять некого; прибежал ли жердастый управдом Юдилевич за получением арендной платы со Степана Михайловича, ему честно указывали, что арендатором кофейни является „Освобожденный Труд“; посещал ли кофейню очкастый громовержец — участковый финансовый инспектор, ему выпускали навстречу Жмуркина, инвалид доставал из-за пазухи временное бесплатное свидетельство, вертел головой и на крик кричал:

— Ты что, проверять желашь? Я на фронту за тебя ногу потерял! А ты кака така шишка, мамашку твою за ляжку!

У Слютикова переводился на железнодорожный магазин на другую улицу, освобождалось помещение, и Степан Михайлович предложил на тех же началах открыть вторую кофейню. Это предложение было единогласно принято, Слютиков положил в „ответственный“ портфель второе заявление „Освобожденного Труда“ в „Николо-Спасский кооператив“.

Уже Герман Курц налаживал ремонт при помощи „Московской Стройки“, Дробин велел своему старшему мастеру готовить столы и стулья, женщины стремились быть кассиршей в новой кофейне, но это опасное место было давно забронировано Степаном Михайловичем за собой.

В эти дни в кофейню „Файф о'клок“ опять прибежал Юдилевич, и на этот раз его сопровождали дворник и водопроводчик.

— Хозяйка, хозяин где? — спросил управдом Клавдию Иванову.

— Вы, наверно, спрашиваете нашего юриста, — ответила она, помня наставления мужа, — он в конторе.

Юдилевич вошел в контору, сел против Степана Михайловича, положил порт-

фель на колени и, хлопнув по нему рукой, спросил:

— Вы мне платите или не платите?

— Договор об аренде передан в консултацию МУНИ!

— Не идиотничайте! — посоветовал Юдилевич. — МУНИ берет меня за шиворот.

— Прекрасно! — заявил Степан Михайлович, поглаживая бороду. — Я поговорю с товарищем Жмуркиным, на

него заключается договор и он, как инвалид первой категории...

— Ай, инвалид ваш! — прервал его Юдилевич. — Он такая же первая категория, как я дочь папы римского! Но не в этом дело! — и, вынув из портфеля „Торгово-Промышленную Газету“, протянул ее Степану Михайловичу.

Смординов читал, а буквы играли в чехарду, становились вверх ногами и вертелись колесом по справке: „... впредь льготы будут предоставляемы инвалидным артелям, а инвалиды-одиночки будут приравнены к частным гражданам“. Степан Михайлович спросил, сколько ему надо заплатить, и сказал, что справится в кассе. Он, действительно, подошел к Клавдии Ивановне, нагнулся к ее уху и прошептал:

— Собери всю выручку и поезжай домой. Я сию минуту приеду!

Пока Клавдия Ивановна выполняла его приказание, Смородинов собрал в конторе членов коллектива.

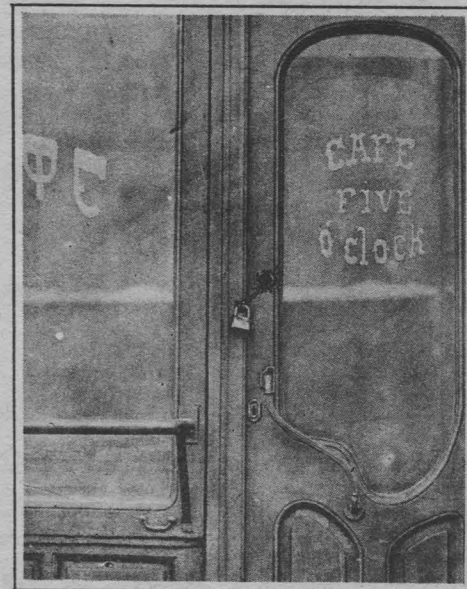
— Господа! — воскликнул он с дрожью в голосе. — Наш Жмуркин не имеет льгот! Вот товарищ Юдилевич все расскажет...

— Юдилевич больше ничего не расскажет, — рассердился управдом. Как первое предупреждение, я вам закуплю водопровод и канализацию! Идемте, товарищи! — обратился он к дворнику и водопроводчику.

Когда три решительных человека вышли из конторы, Герман Курц снял синий фартук, и, поправив свой крахмальный воротник и манжеты, сказал:

— Это есть калоссалише скандалы! Nicht wahr?

— Мы устроим деловое совещание, — ответил бывший советник коммерции. Я, пожалуй, открою магазин санитарии! — и он ласково посмотрел на ящики, где храни-



Все, что осталось...

лись запасы бандажей, поясов, суден и прочих гигиенических предметов.

Матвей Ройзман

ЭВАКУАЦИЯ

Рассказ Л. Никulina

I.

Эшелон коменданта города, генерала Габеева, был пятьдесят второй, — последний эшелон, оставляющий город.

Над городом было зарево, и шеститажный дом на главной улице горел как факел, бросая в небо скурченные раскаленные листы кровельного железа.

Дом горел, долго светя пустынной улице. Как бы в раздумьи, упершись радиаторами в железные шторы магазинов, стояли разбежавшиеся с горы брошенные грузовики.

Поезд грузили на товарной. Редко и тускло светили зеленые калильные фонари, и на вагонах можно было читать косые надписи мелом:

„Штаб лейб-гвардии артиллерийской бригады“.

„Контр-разведка речных сил юга“.

„Лейб-гвардии атаманский“...

Кроме обыкновенных классных и товарных вагонов, была теплушка с двадцатью тремя подозрительными, которые числились за контрразведкой.

Теплушка была заперта тяжелым ржавым замком-дугой. На тормозной площадке спали конвоиры в полушубках и стальных французских шлемах.

Когда по цепному мосту карьером прошли первые конники с красными лентами поперец папах, эшелон „пятьдесят два“, медленно выбирался из пустых составов на путях, двинулся в сырую ноябрьскую ночь. И два паровоза с пулеметами на тендерах дали полный ход тяжело грузеному поезду.

Первый от паровоза вагон был комендантский. Второй имел бельгийские флаги на передней и задней площадках.

Пергаментный полулист на дверях вагона. Смытые дождем слова:

„По соглашению высшего командования, главноначальствующим областью... предоставлен... иностранным гражданам“...

И две печати — бельгийского генерального консульства и главноначальствующего областью.

В этом вагоне ехали девять иностранцев — бельгийцы и французы, англичанин — корреспондент „Daily News“, две пожилые дамы, мальчик шести лет и сахарозаводчик Каганский.

Господин консул Жиро, в серо-голубой куртке с круглым бархатным воротом и ночных туфлях, сидит в купе у господина Каганского. Свечи в подсвечниках, снежно-белые салфетки на столиках в купе, новенькие кожаные чемоданы и несессеры на полках в полагавшихся багажу местах.

В погребке хрусталим и никелем блестит дорожная посуда. В термосе приятное красное слегка подогретое вино. Каганский аккуратно вытирает салфеткой хрустальные граненные стаканы.

— В стратегическом отношении положение я бы назвал благополучным. За ночь сделали не менее 120 км. Беру минимум. Но какие бандиты...

Каганский грустно усмехается...

— Вас удивляет?

Коррективный и независимый м-сье Жиро принужден огорчить собеседника.

— Как представитель дружественной державы, не могу скрыть от моего правительства самых печальных... самых печальных выводов...

Каганский продолжает, чтобы не утруждать господина консула:

— Последняя степень падения. Вы сами видите, мой дорогой.

— Понятно, тяжело быть русским... Национальная честь, достоинство... пустые слова.

М-сье Жиро грустно поджимает губы и проводит рукой по животу:

— Жертвы, жертвы и жертвы. Можно понять, можно простить, если бы не бесплодно. Если ради отечества, ради порядка и права... да...

Затем с сдержанным сочувствием пожмает руку Каганского.

— Спокойной ночи.

Платформы с грузовиками и платформа с броневином „Боярин“ в хвосте эшелона. Перед грузовиками теплушка с арестованными, числящимися за контрразведкой.

В теплушку не дали света. Двадцать три человека лежат и сидят на выщербленном полу, на заплыванной прелой соломе. Крепкий дух от кожухов и махорки крестьян села Шпанова. После пожара экономки село брала с боем кавалерия и пехота. Некоторых засудили на месте, а этих зачем-то угнала в город государственная стража. Когда же пришлось и пехоте и кавалерии уходить из города, ночью крестьян повели за 24 км. на товарную станцию и заперли в теплушку. И вот гудят по рельсам оси, крепко потряхивая теплушку. Двадцать три человека по счету, крестьяне и городские, молодые и старые, здоровые и больные и женщины. Арсенальные рабочие — Тарас и Юра, наборщик Волков, по прозвищу Волчок, раненный в бок при посадке. Ранил штыком конвоир за крепкое слово. Чистых тряпок не нашлось, и рану перевязали украинским вышитым полотенцем и положили Волчка на здоровый бок. Лежит, редко стонет и трясется лихорадочной, мелкой дрожью. Потом были еще пленный курсант Митя и Нухим Кац, мальчик из типографии, — его взяли за то, что нашли в сундуке две залежавшиеся со времен красных газеты. А скорее за то, что был очень уж смуглый, глаза как маслины, и оттопыренные уши торчком.

II

Серая сырость. У товарной площадки стоит поезд, светятся желтыми прямоугольниками окон. Тусклым массивом за тремя путями — вокзал — темный, пустынный, и поперец путей черные, разборчивые буквы „Бобрики“. В зале первого класса — битый мрамор буфетных стоек, навоз, кирпич и глина. На полу, за двойным рядом солдат в шлемах, двадцать три человека.

Керосиновая лампа — молния на опрокинутом ведре светит и весело светит на мусор, на сгорбленные тени в углу, на конвой от стены до стены. На асфальте под дебаркадером топот и шорох многих ног, и говор, и кашель. Сотрясаю землю, скатываются с платформы на товарную станцию тяжелые грузовые машины.

Мрак, мгла и темь ночи сереют. Между массивами зданий и коробками вагонов просветы, серые рассветные полосы, и день прибавляется по кашле, мешаясь с ночью и разбавляя темную сырую ночь... И пока люди хлопчат у машин и вагонов, над ними встает день тройным рядом светлых облаков и голубым просветом на востоке.

Четыре грузовика и броневином стоят на шоссе и позади вокзала, повернув к темной полосе лесов на горизонте. Тяжелой железной сеткой с берега на берег переброшен над рекой железнодорожный мост. По насыпи рельсы втягиваются в железную сетку моста над зелеными кипящими под ветром камышами.

Утром господин Жиро, генеральный консул Бельгии, осторожно пробирается между рыжих, мокрых, пахнущих мокрой псиной шинелей. М-сье Жиро разминает ноги, дышит бодрящим утренним воздухом и охотно слушает корнета Николая Баскакова. Сначала они упираются в сбившуюся толпу солдат у вагонов, где в щель раздают сухой черный хлеб, паек на сутки. Затем поворачивают назад и выходят на шоссе, где четыре грузовика и броневином машина „Боярин“.

— Времени у нас почти сутки. Предполагается небольшая экспедиция за продовольствием в ближайшие селения.

— Почему же не купить здесь же в местечке, скажем, на базаре?

Адъютант коменданта, корнет Баскаков слегка заливается.

— Крестьяне запуганы. Красные продвигаются, приходится покупать на местах. Генеральный консул не возражает, и они возвращаются на перрон. Жиро с грустью указывает на значительные разрушения... В зале первого класса он замечает арестованных и конвоиров.

— Арестованные большевики. В одиннадцать часов заседание полевой военно-судебной комиссии, которая решит...

Господин Жиро рассматривает сидящих и лежащих людей за двойной цепью конвоиров и затем неопределенно вздыхает...

— Жалкие люди.

Мадам Ришар — тихая старушка в старомодной плюшевой мантилье и плоской, похвой на блюдо, шляпе — стоит со своим воспитанником, сыном господина Жиро, у вагона. Поджарый англичанин, в зеленых квадратных очках, выходит из вагона, обменивается приветствиями с господином Жиро и рассказывает о преимуществах своего фотографического аппарата. Пока же у окна аппаратной светливый и задыхающийся от крика генерал Габеев трясет за ворот тужурки кудрявого румяного железнодорожника.

— Маневренный паровоз! Мать твою, маневренный паровоз, прохвост!

Потом с размаху бросает железнодорожника о стену и, успокоившись, спрашивает почти ласково:

— Багажные веревки есть?

— Так точно!

— Повесить! — и убеждает, катясь, как шарик, на коротких, шаркающих ножках.

И вот в станционном садике, у фонтана с аистом, двое в стальных шлемах прилаживают петлю. Железнодорожник смотрит на фонтан, на аиста, на петлю, которую прилаживают на перекладине детских качелей. Постепенно румянец на щеках растворяется в нечеловеческой бледности и от висков катятся тяжелые капли.

Через десять минут поджарый англичанин за забором железнодорожного садика аккуратно прилаживает аппаратик на складных журавлиных ногах и делает снимок с детских качелей и труппа, висящая низко над землей, труппа в тужурке железнодорожника. Мадам Ришар смотрит близорукими глазами на детские качели и вдруг теряет зонтик, толкает впереди сына м-сье Жиро и уходит, закрывая ему лицо плюшевой мантильей.

Маневренного паровоза все-таки нет.

III

В вырезах броневином „Боярин“ ворочаются три пулеметные дула. В раздвинутые створки видны вымазанные маслом и копотью люди. В головном грузовике разно одетые офицеры в каракулевых круглых шапках-кубанках. У них кавказские шашки в серебре и карабины. Командует казачий есаул Колесов, в белом бешмете и белой косматой папахе, совсем похожий на запорожца, если бы не стекла очков, играющих на солнце.

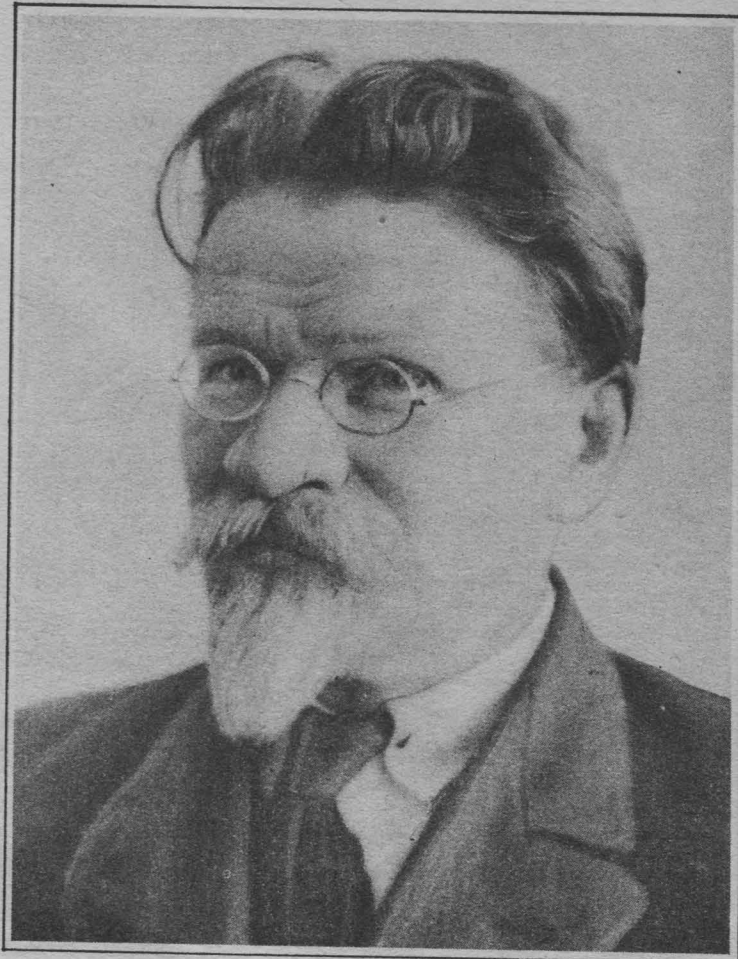
Облака давно осели на севере, и две трети неба стали голубыми, и солнце легко сушит дужи и глубокие, выдавленные в черномоземе колена.

Играют горнисты, и по широким ступеням от вокзала бегут юнкера и казаки, и лезут на грузовики. Хриплыми визгами парашающихся автомобильных гудки и дребезжащим свистом посвистывает броневином.

Есаула Колесова подсаживают на рука и он кричит, размахивая руками:

— Орлы-волчанцы! Голуби! Мать вашу... С богом!

Броневином выворачивается на узком шоссе и медленно выкатывается вперед, показывая славянские буквы „Боярин“ в венке



30 марта 1919 года М. И. Калинин был избран председателем ВЦИК РСФСР. Сейчас исполняется десять лет славного служения Калиныча на этом посту.

из георгиевских лент. Грохочут пять сильных моторов, и пять машин с правильными промежутками между ними колонной надвигаются на толпу провожающих и, минуя ее, проходят по касательной линии, прямо на шоссе.

Первая смерть, первый труп, оттянувший веревку и низко висевший над землей, над желтыми листьями станционного сада. Под навесами дебаркадера, в пустых вокзальных залах, хлопают озорные выстрелы, висит озорная брань. Задиры ходят вразвалку, шинели внакидку, рука на отстегнутой кобуре, ругаются, ищут ссоры, наседают на конвой в зале, где загнаны в угол арестованные.

— Давай!.. Бей!.. К матери конвой!..

— Китайские церемонии! Давай нам!

— Дать раз по черепу! Бей их, дроздовцы!

В разорванной череске рвется сквозь цепь кавказцев:

— Ра-жим, ра-жим, рэжим, всех рэжим...

В пустоте, высоко под потолком, гул и гром голосов и песня:

Из кубанского похода
Шел Дроздовский славный полк...

Похоже на озорство.

Но вот конвой сдвинут в угол, и визжит кавказец, расшвыривая конвоиров. Звон стекол, и в разбитое окно зычно грохочущий пьяно-веселый голос:

— Да не здесь же, черти!.. Тащи на пути!.. Там!..

Водоворот, кипящий мутный поток шинелей, кольцо рук, прикладов и шашек вокруг двадцати трех человек, и вдруг все разом вываливаются в пролом стены, некогда бывший дверью.

И опять в пустом разгромленном зале тишина, и только издали глухое эхо, пальба, гомон и нечеловеческий и незверинный рев.

У господина Жиро великолепный „Цейсс“. С площадки вагона ему хорошо видно кольцо конвоиров и второе, стягивающее их кольцо людей в папахах и фуражках с разноцветными околышами. Он видит приплясывающего, размахивающего шашкой кавказца, но еще лучше видит людей в самом ядре сумасшедшей толпы. Крестьянские грубого сукна свитки, синие кошоворотки, картузы и городские обдерганные пиджаки. Затем он видит—конвоиры бросаются клубком на отставшего упавшего человека. И человек кричит удивительно звонким голосом: „Гад! Я ж раненый!“ Серебряные лучи играют в воздухе. Господин Жиро опускает „Цейсс“, он больше ничего не видит, но слышит нестройные залпы. Конвоиры, офицеры и солдаты возвращаются. Юноша-вольвоопределяющийся, бледный как загримированный клоун, разряжает „Кольт“ в воздух, улыбаясь или гримасничая. Жиро уходит, прямо на толпу идет англичанин с фотографическим аппаратом, идет большими шагами к высокому берегу реки. Альберт Жиро прислушивается к озорной стрельбе на путях и с некоторым раздражением говорит:

— Кажется, все сделано. Пора прекратить.

Вечером англичанин запирается в уборной, зажигает красный фонарь и долго проявляет пленки „Кодака“. И через час он показывает негативы. На черной пленке белыми тенями деревья, детские качели и повешенный. Другой негатив — высокий берег реки, мост, камыши и трупы на обрыве. Сделано десять снимков. Это предназначается для английского иллюстрированного журнала.

Ветер приносит тяжелые, синие, осенние облака.

На высоком берегу воет белая борзая собака, убежавшая из эшелона. Трупы сброшены с обрыва и разбросаны внизу по черноземному скату у самых камышей.

Поздней ночью — тревога и паника. Из всех вагонов бегут люди. По ту сторону вокзала — белый бродячий луч прожектора, прорывающий густую ночь. Часто стреляют вокруг эшелона и на путях. Белый луч прыгает по шоссе надвигаясь, хватая

из мрака крыши, башню, водокачку и толпу на ступенях вокзала.

Треща и накрываясь грузовик скатывается к вокзалу. Сыпятся люди, сваливаясь прямо в толпу, задыхаясь от крика.

— Засада!

— Обход!

Муравейником, ключом кипят в белом застывшем луче шинели, погоны, казацки папахи, штывы, приклады...

На площадке вагона для иностранцев — Жиро и англичанин в фланелевом полосатом ночном костюме. Сумасшедшая суета. Шипя и свистя катаются по рельсам паровоз, на ходу пристегивая вагоны. Лезут на ходу, виснут на площадках офицеры и солдаты и женщины.

Жиро видит, как сразу пустеет перрон. На перроне только Жиро, англичанин и неизвестный офицер с белым Георгием и университетским значком на расстегнутом френче. Господин Жиро идет к офицеру, который стоит у опрокинутой багажной тележки. Сохраняя достоинство, он вежливо говорит офицеру:

— Что, собственно, происходит?..

Офицер не отвечает, бледнеет и как будто улыбается. Затем на глазах господина консула он втягивает голову в плечи и прижимает револьверное дуло к виску. Одновременно раздается треск выстрела, и офицер согнувшись откидывается навзничь и сползает с опрокинутой багажной тележки.

Генеральный консул возвращается к своему вагону. Он хватается за голову, трет виски и болезненно морщась говорит англичанину и другим:

— Я ничего не понимаю...

Но через минуту он приходит в себя и засыпает под теплым шотландским пледом. Это потому, что эшелон „пятьдесят два“ наконец оставляет „Бобрики“.

С рассветом подморозило. Земля окрепла, и крепкими колеями написали следы на топком шоссе четыре грузовика и броневая машина „Боярин“. Как захмелевший, вкатившись передними колесами на вокзальные ступени, стоял брошенный грузовик.

Сверху окрепла от мороза земля, но поглубже — все тот же жирный, богатый чернозем. Легко берут лопаты, и яма уже глубиной в аршин, четырехугольная яма, две сажени на три, у железнодорожного моста, на высоком берегу реки. Отсюда видны острые камыши, степь, и островками в степи — старые обезглавленные грозами тополя. Набегают люди, копошатся железнодорожники, селяне, бабы, гоняющие ребятишек от четырехугольной ямы на высоком берегу.

Качаются повязанными рогами бабы платочки, причитают над покойниками. Двадцать три. Двадцать четвертый — баловник, первый на станции гитарист и танцор — лежит под станционным брезентом.

— Ой, не смилывались, позабавили на смерти! От же-ж есть у каждого человека

ридна маты, а може жинка и диты... За що ж вони их... Кажит добры люди... за що... Ой, злодин, злодин, ще приїде и до вас...

Глубже яма, оседают, опускаются землекопы, и к тому времени, когда морозное солнце над степью, над калеченными останками вагонов, над брошенным хвостом эшелона „52“ землекопы уже по пояс в яме.

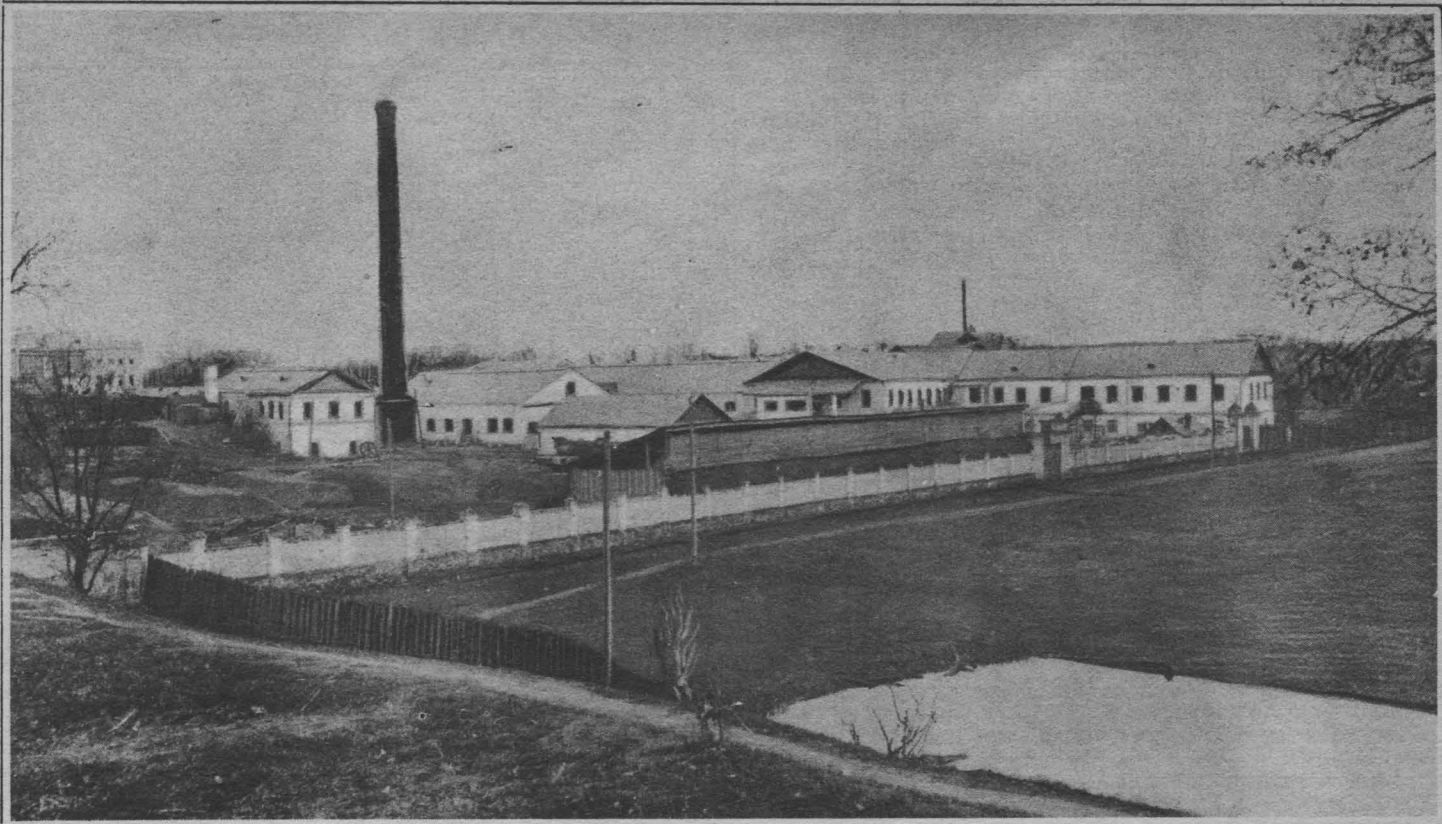
К вечеру перед вокзалом много конных и пеших. Дюже и сумрачные, разно одетые парни стоят у броневика и смотрят, как скребут стамеской по стали, царапая славянские буквы „Боярин“ и скоро от славянских букв и георгиевских лент остаются широкие белые полосы.

Еще вчера ночью, поднимаясь с земли, матросы снимали и бросали на ходу свои сапоги и бурилаты. В одних полосатых тельняжках, с гранатами на животе, перебежали, изворачиваясь от щупающего белого луча. Писали свинцовые круги три пулемета, припечатывая к земле незадачливых, но те, кому подвезло, перебежали смертный круг и припадали к стальной броне. Облепляли броню, стреляли внутрь, в прорезы, сляясь дропихнуть гранаты. Как вепрь, схваченный псами, встряхиваясь на ухабах, тащил на себе матросов броневик. Но слепо виляют колеса и висят на подраненном звере босые матросы, срываются и мечут гранаты под низкий зад броневика и вновь лезут к прорезам, стреляя внутрь, пока не стал зверь исходя, жалостным свистом напрасно подзывая подмогу.

И вот широкая кисть, с которой каплет жирная красно-коричневая краска, пишет веселые размашистые буквы: „Коммунар. Мир хижинам, война дворянам“.

А господин Альберт Жиро на палубе французского броненосца, небритый и похуевший, видит, как исчезают в утреннем тумане низкие, негостеприимные берега, и говорит его превосходительству командующему оккупационным корпусом:

— Я вас понимаю, генерал. Ужасная страна.



Полотняно-Заводская бумажная фабрика

СТАРАЯ КАЛУЖСКАЯ ПО-НОВОМУ

Очерк Н. Погодина

Екатерининский большак — та самая старая калужская дорога, о которой сложены русским народом хорошие песни... Седой край... Мне бы надо начинать свое описание с Кудеяра-Разбойника, ибо жил такой в калужских лесах в старые годы и имел соприкосновение с предметом моих исследований. А на руках у меня запись из доклада председателя ВСНХ, деланного им на третьем пленуме ЦК ВКП (б), в которой говорится о разительных результатах специализации производства, получившихся на Полотняно-Заводской фабрике. А фабрика та ведет историю свою от тех лет, когда ходили по земле лютые Кудеяры.

Атаман Кудеяр... ВСНХ... Специализация... И тонкое очарование темно-зеленого зимнего парка, где бродил Пушкин в тяжелые годы скудеющего таланта Гончаровского рода. Необычен мой материал, и трудно мне овладеть им.

Когда пишут о Днепрострое или о каком-нибудь ином гиганте, — тут все налицо, все бьет в глаза. Я же наблюдаю скромную фабричную трубу, которая зашнурована проволокой, ибо трескалась она, несчастная, и норовила свалиться макушкой под изволок. Связали ее. Похлопали по макушке:

— Стой!

Стоит.

Нет, вы, наверное, не видали еще таких предприятий. Жаль, говорю, что не могу начать от Кудеяра-Разбойника, когда бежал к нему молодые крепостные ученики с Полотняного завода, делавшего паруса для военного флота Петра I. Фабрика эта существует 208 лет. В 1720 году Берг и мануфактур-коллегия разрешила „при той же парусной фабрике построить бумажную мельницу своим коштом для делания разных сортов бумаги“. Так возникла бумажная фабрика, принадлежавшая дворянам Гончаровым, сородичам А. С. Пушкина, по старой привычке именуемая Полотняно-Заводской, и сохранилась по сей день, и паверное переживет нас с вами, и — что еще изумительней, — имеет успехи в наши дни далеко незаурядные.

Да, старики... старые фабрики... Это ведь нехитро ходить вокруг новой, искусной машины, привезенной из Америки, и записывать в книги поразительную ее производительность. Нет, вы управьтесь там, где труба валится, своды трескаются, где у машин нет ни марки, ни звания, и какая часть в каком году заменялась, уже все забыли, управьтесь и добейтесь таких достижений, чтобы на них указывали на высоких государственных съездах.

Успел я познакомиться и хорошо поговорить с Татьяной Егоровной. Удивила она меня своей подвижностью, умением смеяться, как смеются люди в свои годы молодости и солнца. Сорок лет тому назад, на пятнадцатом году жизни, пришла она на эту фабрику, знает хорошо последних Гончаровых, расскажет вам с юмором, как жила здесь в ссылке Анатолий Васильевич Луначарский, работала за гривенник в день, за пятнадцатый, потом через каторжные годы пришла и прямо-таки великолепно в своей неутомимой бодрости.

Старики...

Производили они бумагу в свое время и ручным, почти что китайским способом, который выдуман был китайцами за двести лет до эры христовой, и работали без счета часов, когда хранила фабрика старые традиции крепостничества. „Встретятся господа — люди поклонятся и идут дальше“. Беру выдержку из журнала „Старые Годы“ за 1910 год. „На страстной неделе по традиции водружают на широком дворе четверо качель; господа с веранды бросают фрукты и сласти, а народ внизу набрасывается на них, как вороне“.

— Вам ли, молодым, знать, как люди жили, как работали! — досмеивалась над мной Татьяна Егоровна, — вам ли революцию понимать, лешего нам!

Старики работали за два с полтиной в месяц, и по высшему мастерству получали, скажем, пятнадцать рублей. Теперешняя месячная получка Татьяны Егоровны без малого восемьдесят рублей; работает она восемь часов, на иных сортах бумаги норму завершает и за пять часов, никому уже не кланяется и под горячую руку отчистит

какое ни попадись важное лицо, хотя бы и из самого центра. Оттого и понимает революцию лучше нас, молодых. Это верно.

Лет пять назад над старой фабрикой загрели громы. То были унылые и тревожные дни. Доказывалось тогда, что поддерживать такие вот допотопные заведения нет никакого расчета. В конце концов — двести лет. Пора и на покой. И будь страна наша немного побогаче в то время, то закрылась бы Полотняно-Заводская фабрика. Но новое строительство еще смутно проектировалось, и оттого эта древняя фабрика прошла через карантин без особых неприятностей.

Прошла — хорошо. Работали, как работали всегда, не лучше, не хуже других. Даже признавалось, что неплохо работали, ибо из старых самочерпок что-нибудь новое уже никак невозможно было получить. Так полагали и специалисты.

А самочерпки — бумагоделательные машины — имеют внешность, напоминающую шарабаны, — дреңдулеты уездных воинских начальников, что страшным скрипом и воем пугали посадки и деревни.

То-есть все, конечно, в этих самочерпках имеется и серьезно именуется чистителями, валиками, латунными валами, валами-дэнди, сушильными барабанами, сатинерами и увлажнителями, но кажется, что все это дело вот сию минуту, вдруг, на твоих глазах рухнет тебе под ноги и от вала-дэнди и сатинера останется один прах. Лета одной самочерпки я точно установить никак не мог. Главный инженер группы б. Говардовских фабрик говорил, — ей будет лет шестьдесят. Старожилы побожились — сто. Но марки ее никто не знал. Она — интернациональна. Помесь многих стран, многих изобретений, возникавших за ее жизнь. Покупали части — подгоняли. Кое-что сами „на гвоздях“ пристраивали, подвязывали. Двигалась. А так как оплата рабочих здесь была очень низка, то и такая машина давала хозяевам прибыль. В наших условиях, при современном тарифе, такое оборудование — гроб. И вторично в 1927 году в Бумажном тресте заговорили совершенно настойчиво, — как

же быть с Полотняно-Заводской фабрикой?

Тов. Кантор тогда опубликовал в газетах истинные факты катастрофического положения с себестоимостью бумаги и демонстрировал Полотняно-Заводскую фабрику, как самый грустный пример. Стоимость тряпичной полумассы доходила здесь до восьмисот рублей. Себестоимость бумаги в 1926/27 г. определялась в 526 рублей 50 коп. за тонну.

Спорить было не о чем. Замок на двери—вот все итоги.

Пришлось тогда доложить рабочим о перспективе фабрики.

— Так работать нельзя.

Трагически складывалась судьба фабрики. Рабочие и без докладов понимали, что так работать нельзя, но—какая же их вина, если машины лучше не везут? Переоборудовать?.. Опять-таки выгоднее построить новую фабрику в ином месте, более удобном. Значит, бросить все и раскопаться, куда глаза глядят... Нехорошие были дни. Безнадежность рождала злобу. Толковали по-разному, и не один человек, конечно, в горькую минуту ругал советскую власть: „Вместо того, чтобы промышленность налаживать, фабрики закрывают. Хозяева!“

А делать все-таки что-нибудь надо было. Неужели так-таки и остановится фабрика? Так бывает с людьми в минуту большой опасности; глядят и не верят:—неужели?..

И вдруг в какое-то мгновение вскипает и наполняет мускулы воля к борьбе. Тогда переходят чортовы мосты, бросаются в огонь, свершают дела, именуемые чудесными в серенькой действительности нашего привычного плавного движения.

Красивых жестов, романтики пафоса, конечно, не было. Это—жизнь, и притом трудовая, суровая. Полотнянские рабочие, как-то особенно отчетливо усвоив, что многое зависит от их коллектива, стали бороться за старую фабрику. Пугал и остатов фабрики, и самолюбие в конце концов у стариков и молодых было задето. А уж ежели у нашего мастера самолюбие задеть, то он и в самом деле подкует блоху.

Началась борьба по линии хозяйствования. Упрям и вдумчиво здесь экономили в таких мелочах, которых у нас не видят, не знают.

Осматривал я вращающиеся котлы, где расправляется тряпье, прежде чем перейти в промывочные роллы, и никак не мог по началу понять, на чем тут можно скопить экономии. Вращается чугуный шар, в нем парятся тряпки, —какая же тут рационализация?

Мне заметили:

— А топливо?.. Расход пара?.. Можно котел час нагревать без толку, можно через полчаса пустить. Можно дать излишне высокую температуру, можно дать нормальную. Избегать простоев, во время закончить процесс... Головой работать надо.

А в подтверждение того, как можно головой работать и как счумели экономить рабочие, я вам приведу такие цифры.

Расход топлива на 1 тонну бумаги: в 1925/26 г.—2.227 кг., в 1926/27 г.—1.889 кг. (год перелома), в 1927/28 г.—1.745 кг.

Сокращение расходов на пара прямо удешевляет себестоимость тряпичной полумассы. Тут же выясняют, что тряпку браковать при сортировке можно осмотрительней, наконец заявляют и доказывают, что и брак можно использовать при хозяйской сноровке. Приходится сознаться еще, что на тряпке работали лишние люди... Мелочи... Крохоборство... Но Форд, говорят, заливает свои калюши. Эти мелочи дали разительный результат.

Если в 1925/26 году себестоимость тонны тряпичной полумассы достигала 800 рублей, то теперь она сошла до 462 рублей 6 коп.

И там, где тряпье отматывается и превращается в первоначальные волокна, и там, где происходит процесс отбелки хло- ром, кропотливо придумывались новые,



ИСПОЛНИЛОСЬ 115 ЛЕТ со дня смерти известного поэта Тараса Шевченко. В связи с юбилеем председатель ВУЦИК тов. Г. И. Петровский посетил место рождения поэта. На снимке: тов. Г. И. Петровский около памятника Тарасу Шевченко. Фот. Г. Славутской

небывалые для прежних лет возможности экономии. Из сбереженных рублей бухгалтера составлялись уже большие суммы... Но вот последний процесс—самочерпки, когда белая волокнистая масса древесины—целлюлозы—с примесью тряпичных волокон разливается по бесконечно движущейся сетке, освобождается от воды и под барабанами и горячими валами превращается в ленту бумаги. Что можно было выгнать из машины?

Здесь они внешне представлены. Для современного техника они являли более ужасающую картину. А от них—все качества.

Если машины не могли превзойти своих рекордов, то все успехи подготовительных процессов пошли бы насмарку.

Затевалось безумное дело. Представим себе ключу, старую, хромую, слепую, и установим, что это несчастное животное тянет свой воз со скоростью пяти километров в час, и что нет у него никаких средств на земле понудить его двигаться быстрее. И вот находится такие веселые чудачки, которые всех уверяют, что ключенка эта пойдет в два раза скорее.

То же самое происходило на Полотняно-Заводской фабрике. Предел скорости машины был пятьдесят метров бумаги в минуту. Нашлись чудачки и сказали—будет сто.

— Лопнет к чорту вся эта механика,—рассуждали многие.—С ума надо сойти, чтобы додуматься до таких казусов.

Специализация, переход на однотипные сорта бумаги,—все это прекрасно и даже убедительно в теории, но машины—факт. Подведи к ним высокого заграничного мастера, убежит или просто затоскует на всю жизнь.

Однако—подвигивали старые винты, подмазывали, пригоняли плотней части, охаживали машины, творили ту самую „портативность“, при которой великолепные новые механизмы беспушно и плавно переходят от малых скоростей до наивысших.

Дали—70 метров... Стали держаться на этой скорости и остро слушать биение сердца машины. Помогали лекарствами, находили новые силы сопротивления разрушительному действию скоростей. Незаметно вызывали новую быстроту—машина давала 75 метров. Усилили ход—дала 80 метров. Аварии не произошло. Все было нормально и не внушало никаких подозрений самым ворчливым скептикам.

— Ну, уж ежели она перевалила за семьдесят, то и сто даст,—сказали старые мастера.

И однажды впервые Полотняно-Заводская фабрика передала в Групповое управление б. Говардовскими фабриками, что наступил час, когда приняли здесь с машины сто метров бумаги в минуту.

Вспомните знаменитый сказ писателя Лескова об английской стальной блохе, которую подковали тульские мастера,—неужели не похоже?

Довоенные нормы лучших лет фабрики были перекрыты. Фабрика дает почти на 70% больше бумаги, чем до войны, на том же самом оборудовании, которое двигалось десятки и десятки лет. Себестоимость бумаги в 1926/27 году была 526 руб. 50 коп. тонна, в нынешнем—443 р. 94 коп. И за прошлый год при снижении цен на бумагу, фабрика получила без малого полмиллиона рублей прибыли.

Ровно через два года после печальных сообщений о полотняно-заводских делах в тех же московских газетах была опубликована речь тов. Куйбышева, в которой он, говоря о технических достижениях нашей промышленности, сказал буквально:

— На Полотняно-Заводской фабрике мы имеем еще более разительные результаты.

И вот тут, на месте, я вижу, как и сейчас возникают эти разительные результаты. Рабочие пакуют бумагу. За несколько дней до моего приезда они выдумали способ—паковать 30 стоп в кипу. Прежде пакovali 7 кип. Потом дошли до 24. Показалось мало и этого. Сейчас довели искусство упаковки до 30.

Вот в какой черной неприглядной работе вы увидите подлинный производственный пафос.

И сюда же было дано задание:

— Думайте над тем, чтобы бумагу с саморезок не перекладывать в тележки руками.

Старая фабрика придумала новый способ, что сводит на нет брак и ускоряет темп работы. Ее введение приходится принять за образец для других новых предприятий.

Оказывается, надо учиться у Полотняно-Заводской фабрики, которая живет третью сотню лет и ведет свою историю от тех лет, когда ходили по земле лютые Кудеяры.

Ник. Подолкин

ТЕАТР НАШЕЙ ЭПОХИ

Театральная жизнь, развитие театра, его повседневные интересы—все еще достоинство очень и очень замкнутого круга лиц. Вместе с тем, о театре своевременно заговорить зрителю-массовику, а следовательно—и общим журналам. Советский театр создал вполне хорошие пьесы, с революционным содержанием, созвучные нашей эпохе, в прекрасном оформлении, признанные советским зрителем. Однако, свежего по сюжету, форме, по новым мыслям, по общему замыслу—появляется на сцене угрожающе мало. Художественное творчество театра, очевидно, идет (и хорошо делает) по линии большей художественности, большей театральной культуры, новой революционной драматургии. Это бесспорно хорошо.

Искусство художественными образами обязано отражать и объяснять сложность и многогранность нашей эпохи во всей ее широте, полнокровности и разнообразии, в движении. Иначе, искусство потеряет свою красочную увлекательность и перестанет убеждать.

Бывает в общественно-политической жизни: общее собрание, докладчик „осветил все вопросы“... Он своими словами (а иногда и текстуально) механически изложил передовицы и что сумел надергать из газет, не коснувшись злободневных местных тем—более широких тем принципиального порядка, спорных, неясных тем. Собрание поцурно слушает... Докладчик бубнит. Доклад окончен. Из президиума неуверенный голос: „Кто желает высказаться по докладу?“ Молчание... „Товарищи, как же так? Вопрос—важный; надо обсудить“. И вот с места: „Все ясно“... „Какие предложения по докладу?“ Но—„народ безмолвствует“. Из президиума—готовая резолюция. „Кто—за? Кто—против?“—Никого.—„Принята единогласно“...

Наша современность противоречива на каждом шагу. Очень многое неясно, спорно; на всех ступенях строительства—упорные, пристальные искания, напряженный творческий труд, темп жизни—бешеный. И вот—все ясно!

После такой „массовой активности“ не удивительно, если идут в пивную, бьют своих жен, детей и пр.... По этим поли-

зритель после театра обменивается мнениями, примерно, в таком стиле:—„Ясно?“—„Да, ясно“.—„Хорошо?“—„Да, хорошо“.—„Надо скорей на трамвай“.—„Очень неясно! Это не годится“.—это очень опасно. Разве такое искусство воспитает массы политически и художественно?—Вряд ли.

Вся наша общественная жизнь, все ее проявления тревожат, болтуют, восхищают, возбуждают мнения, чувства, настроения. В этой области у театра—громаднейшее поле творчества.

На театральном фронте движение культурной революции будет сопровождаться, прежде всего, участием масс в развитии театра, чувством коллективной ответственности, острым напряженным интересом к явлениям художественно-театрального порядка.

И в настоящий период важно именно под этим углом зрения рассматривать каждую новую театральную постановку.

Здесь из последних новых постановок особый интерес представляет поставленная в театре имени Вахтангова пьеса Юрия Олеши „Заговор чувств“.

На общественном просмотре этой пьесы чувствовалось веяние культурной революции в театре. В антрактах—активность зрителя и живой интерес к новой постановке. Фойе представляло собой дискуссионный клуб горячо и страстно дискутирующих зрителей. Если в одном углу говорили, что пьеса—плохая, упадочная, нашей современности чуждая, поэтому—политически вредная и даже контрреволюционная, то в другом—с меньшей горячностью—восторженные отзывы о пьесе, которая остро, по-новому ставит ряд проблем, в третьем—восторженные отзывы о постановке. Во всяком случае, разнообразные, разнообразные мнения, и вместе с тем спектакль затронул, заинтриговал, заинтересовал, возбудил мысль, показал, что не все ясно, не все бесспорно... Правда, на общественных просмотрах зритель особенный. Здесь же можно было наблюдать особую нервозность, приподнятость среди работников театра, не занятых в пьесе: они волновались за спектакль, за отношение к нему советской общественности, и—замечательная вещь—члены художественного совета этого театра тоже не были спокойны. Эти характерные штрихи театра—черты будущего в театре—особенно заметны именно на этом спектакле, и не случайно. Спектакль действительно заставляет задуматься, волноваться, дискутировать.

Такое пристальное отношение к обычному театральному явлению—постановке новой пьесы—обуславливается, прежде всего, характером и самим театром, но в значительной степени и интересной оригинальной пьесой.

Короче, театр сумел показать спорные явления и факты на своем собственном театральном языке.

Какими же путями и способами достигли этого автор и театр? Перед нами пьеса—не реалистическая, в символических тонах: здесь и фантастика, и нереальные положения, но весь спектакль дает вполне реальные положения, рассказывает о реальных чувствах, настроениях живых людей различных ступеней социальной лестницы и с различным отношением к социальному советскому строю. Эти люди связаны случайно; их столкновения определяются самой эпохой.

По формальным признакам—пьеса несложная.

Сильный, самоуверенный человек—Андрей Бабичев, председатель пищевого треста—с энтузиазмом создает дешевую питательную колбасу, и с еще большим энтузиазмом строит фабрику-кухню. Он восклицает: „Поэма о щах! Поэма о массовом обеде! 20 тысяч человек едят под звуки

Вагнера!“¹ Он подавляет в себе черты человечности; он не уверен даже в том, имеет ли он право жениться на любимой девушке. Здесь он колеблется, не решаясь



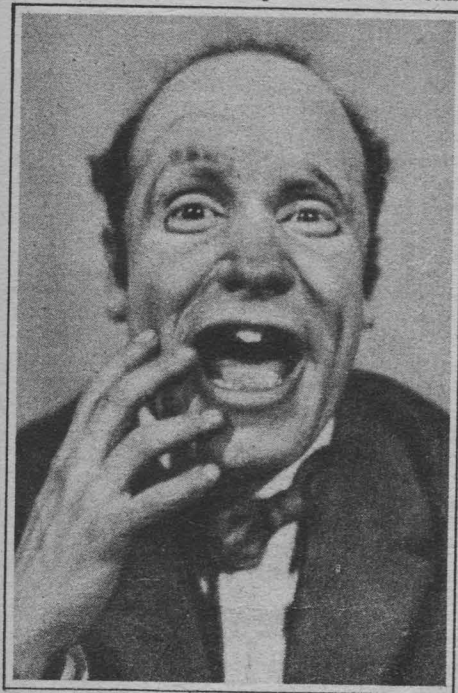
Андрей Бабичев (артист О. Глазунов)

и приласкать ее... Этот „тупой колбасник“ является символом угнетения, душемством красивых чувств и настроений „деклассированного интеллигента“ Кавалерова—„молодого человека с высокопарной, но низкопробной фамилией“, случайно живущего у Андрея Бабичева.

„Король пошляков“, идеолог уходящей эпохи XIX века, бард этой эпохи, брат Бабичева—Иван—точно так же ненавидит брата, как живое воплощение душителя человеческих чувств. По его мнению, „великие чувства человеческие признаны ныне ничтожными“. Однако, все сводится к следующему: „Вы спросите, что делать? Скажите брату моему: мы хотим спать каждый на своей подушке. Не трогайте наших подушек!“ Поэтому он проповедует, что брата надо убить. Это—историческая миссия чувствующих, думающих людей—носителей тысячелетней эпохи. Иван Бабичев организует „заговор чувств“ против новой эпохи в лице Андрея Бабичева.—„Мы должны крепко хлопнуть дверью, оставить шрам на роже истории!“

Эти три символические фигуры воплощают какую-то систему умонастроений.

Большое сомнение вызывает центральная фигура пьесы—Андрей Бабичев. По замыслу автора, очевидно, это—символ рационально-организованной воли в действии, новый человек, но тип—спорный, очень дискуссионный. Он противопоставлен Кавалерову, который „всю старость эпохи, весь склероз века носит в себе“, и брату своему—Ивану, живым символом тысячелетней, уходящей, умирающей эпохи. Красиво думающий Кавалеров, произносящий высокопарные тирады об эпохе, о красоте, о жизни, о любви—взывает к борьбе с засильем „тупого колбасника“, но не за политические лозунги. Ему мешают чувствовать живые люди, которые сильнее его. Чуждый эпохе он беспомощен, его „не любят вещи“. Он любит возвышенной любовью Валу, которая „прошумела мимо него, как ветвь, полная цветов и листьев“. Какая звучная поэзия! Однако, он—низкопробный прихлебатель у стряпухи, которую



Иван Бабичев (артист А. Горюнов)

тически вредным явлениям бьют такие колоссальные по силе тараны массовой ответственности, как самокритика и советская демократия.

Такое положение вредно во всех областях искусства, и особенно—в театре. Если

¹ Как здесь, так и в дальнейшем—текст не сверен с подлинником и приведен по записи во время спектакля.

всячески презирает. „Лицо у нее похоже на висячий замок, его можно придавливать, как ливерную колбасу“, — характеризует он свою вторую любовь. Иван Бабичев — неряшливая, опущенная, облеслая фигура — ходячая легенда обывательской фантазии — по существу беспринципный циник, полусумасшедший болтун.

С исключительной живостью со сцены воздействуют на зрителя не только люди, их поступки, но и картины пьесы, отдельные положения и контрасты. Контрасты не только в расстановке живых людей, не только в их типовых противоположностях, а в каком-то своеобразном чередовании фактов, явлений, в их взаимной связи и в их противоречивости, делаая пьесу выразительной, своеобразной. Мужество, трезвое отношение к действительности, здоровый оптимизм, противопоставлены в пьесе трусости, беспочвенности, пессимизму; рациональный быт нового человека — гнилому быту мещанства; здоровый, крепкий бодрый человек — слабому хилому нытику; бережное отношение к женщине противопоставляется слащавой словесности о „высокой любви“ при безобразнейшем циничном отношении к женщине в жизни; сложность взаимоотношений полов — скотской примитивности.

Вот основные черты „Заговора чувств“, показанные и рассказанные театром и автором на особом театральном языке. Как-то по-особенному художественно выразительно, театральными приемами пьеса заставляет напряженно доискиваться ключа к пониманию замысла автора и положений пьесы; она показывает Кавалеровых и бр. Бабичевых в движении, в действии; она очень убедительно утверждает, что все волни и борьба Иванов Бабичевых и Кавалеровых в советских условиях — это прошение „на высочайшее имя“; с большой яркостью и силой показана их ненависть к современному строю жизни. Здесь классовая борьба переключена с политической арены в личные чувства, намерения, переживания Кавалеровых и Иванов Бабичевых. Они прекрасно понимают, что они бессильны; отсюда — их личная животная злоба к сильному, действующему, и поэтому враждебному им Андрею Бабичеву.

В этом новизна, свежесть пьесы, ее оригинальность.

Очевидно, этой пьесой определяется новый этап развития советского театра. Театр и автор объявили смелую борьбу театральной рутине, трафарету попыткой талантливо и смело показать все различие людей, разнообразие и сложность условий на советском фоне.

Пожалуй, этот спектакль — не массовый спектакль; по своей необычности, усложненности он труден для понимания. Но это вовсе не значит, что его не надо показывать массовому зрителю. Театр должен суметь показать, чтобы он стал понятен и рядовому зрителю.

Каждый зритель любой пьесы волен брать у автора, что может. Но каждая пьеса силой своей выразительности может невольно оставить у зрителя какое-то влияющее впечатление. И часто — подневольно — критика заставляет зрителя воспринимать ложные представления о художественном произведении. Театр сумел сочетать эти линии восприятий театраль-

ным языком в интересах эпохи, ее понимания.

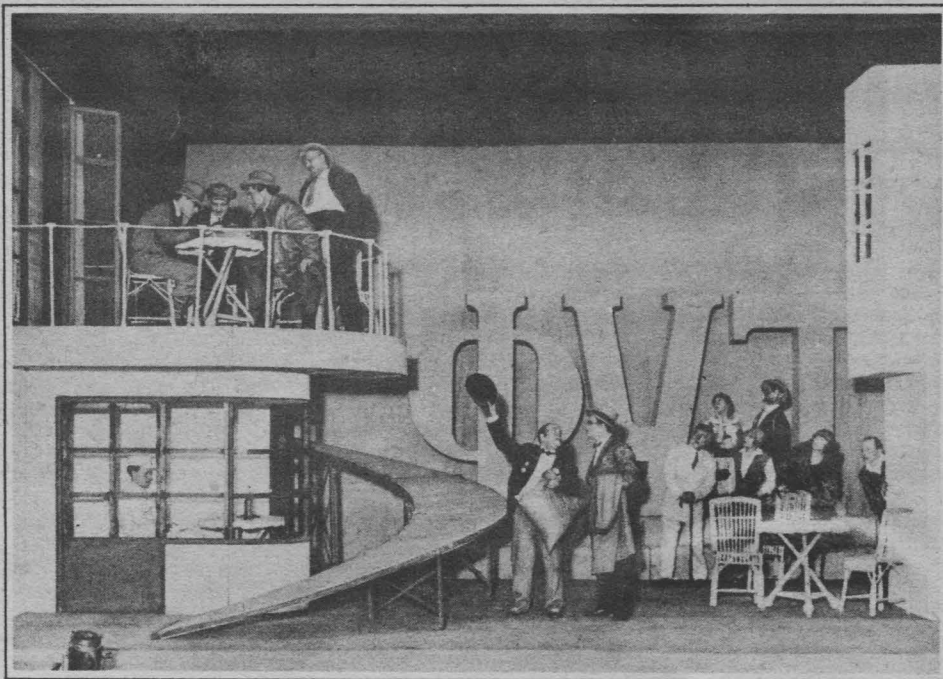
Как это сделано?

Режиссер (тов. Попов) умело мобилизовал театральные средства для постановки такого спектакля. Смелостью и необычной театральной новизной замысла, с чувством меры и скупостью в приемах, он дает скульптурную четкость для игры актеров, ни в какой степени не заглушая прекрасного языка пьесы. На сцене чередуются интереснейшие по замыслу картины. Эффектна сцена именин (работы худож. Акимова) с перпендикулярно-опущенным столом и со всеми атрибутами мещанских радостей — закусками, ви-

интelligента. У зрителя ни на одну секунду, вероятно, не появляется мнение, что Кавалерова... нужно принять в союз и дать ему работу! — настолько он никчем.

Артист Горюнов дает Ивана Бабичева положительно „трагической“ фигурой. Этот „король пошляков“, по существу, ни во что и ни в кого не верит, никого не любит, он просто — придавленная мышь, которая озлоблена против всего мира. Его диалог и хохот на постели стряпухи звучит потрясающе.

Некоторый диссонанс в стиль всего спектакля искренностью и реализмом игры вносит артистка Алексеева в роли Вали.



Последний акт. Стоят внизу: Иван Бабичев, рядом — Кавалеров (арт. В. Москвина)

нами. При открытии занавеса стол медленно опускается, и из-за доски появляются скрытые ею действующие лица. Очень интересны — феерическая сцена сна Кавалерова, кабинет Андрея Бабичева, кухня. Отдельные элементы постановки: оформление, игра актеров, исключительно звучный и богатый текст, интересно задуманная музыка (И. Н. Поповым) — сохраняют свое лицо, они выразительны, самостоятельно показывают зрителю свою сущность, свой язык. Вместе с тем, этот спектакль — органически слитное, превосходное зрелище. Так здесь выразителен язык актеров, режиссера, автора.

Андрей Бабичев показан артистом Глазуновым исключительно сильным, крепким человеком. Это — четкая фигура, зараженная каким-то особым, „колбасным“ пафосом. Как тип нового человека нашей эпохи, он очень сомнителен, очень спорен. Слишком ограниченны его устремления колбасой. Он говорит, что „с плохим книжником не построишь социализма“. Он требует энтузиазма в работе. Его возмущает „линия наименьшего сопротивления“. „Пастилу он назвал „Розой Люксембург“, а новый сорт пирожков оп, вероятно, назовет „Заветы Ильича“. Слова, которые были однажды написаны кровью, тов. Прокудин напишет сахаром! Это есть линия наименьшего сопротивления! Есть поэтические науки — география, астрономия, но товарищ Прокудин не догадался!.. Меня будут мучить сны, что тов. Прокудин выпустил торт под названием: „Это есть последний и решительный бой... бабочки!..“ Но колбаса над ним довлеет. Новый человек прежде всего — строитель социализма во всем.

Артист Москвина дал превосходный тип безвольного, внутренне опустошенного, находящегося во власти своих ощущений, беспочвенного, выброшенного из колен —

Это все-таки облегчает понимание спектакля, который ведется в напряженных, нереальных тонах. В пьесе для Вали имеется материал, характеризующий какие-то черты нового человека; Вали не дает их почувствовать зрителю.

Надо еще отметить Шапиро (артиста Шуккина) — спокойная, добродушная, устойчивая фигура целиком занятая делом; он как-то мягче Андрея Бабичева, хотя, по существу, суше его.

Какие же выводы? Спектакль своеобразный, очень интересный; неумно было бы подходить к нему с общей меркой: как-то должны быть расположены и дозированы положительные явления и факты, как-то —

отрицательные. В нем нет законченной ясности и четкости для политических и принципиально-художественных выводов. Здесь все по-иному. Зритель должен искать. Со сцены показаны столкновения двух миров, двух эпох, по-новому показано нутро мещанского быта, весь его неприглядный ужас и омерзительность. Эта пьеса сложна, разнообразна внутренним переплетом идей, положений, настроений действующих лиц. Идеологическое содержание пьесы, политический и социальный смысл ее — не в ярых политических выводах; в сильно-драматической форме показана хитрой воплощенной пошлостью, во-первых, кавалеровщина во всем ее окружении (болтовня, бездельность, неприкаянность, омерзительный быт и т. п.). Кавалеровщине противопоставляются новые условия, новые люди, эскизные наброски взаимоотношений, чувств и пониманий людей новой эпохи. И — замечательная вещь — хотя Андрей Бабичев сомнителен, но вместе с тем остается впечатление такое (и это достигнуто каким-то особым театральным языком): здоровый, творческий оптимизм сметает нытиков, бездельников, враждебно-классовые осколки.

Постановка „Заговора чувств“ театром им. Вахтангова в театральной жизни определяет какие-то новые этапы в развитии театра. Можно относиться к постановке различно (в нашей печати она уже вызвала довольно разноречивые отзывы), но бесспорно одно, что с „Заговором чувств“ на сцене появляются какие-то новые, неслыханные еще в театре идеи, слова, действия и положения. Здесь утверждается какой-то особый, яркий, выразительный, театральный язык, формирующий и развивающийся в огне пролетарской революции.

И. Писев

ВАЛЮТА НА ВЕТЕР

Совершенно невероятными кажутся позорные истории некоторых импортных закупок. Трудно предполагать, что тут имеет место: головоуныиство? злой умысел? патологические особенности непосредственных виновников?



Вывоз с таможен архивной бумажной макулатуры

В стране мобилизованы все силы для социалистического строительства.

Научно-исследовательские, конструкторские и изобретательские ассоциации работают над проектами по замене ряда импортной продукции. Каждое достижение, дающее возможность сберечь золотую валюту—радостное событие для всего Союза.

И все же кто-то, несмотря на все профилактические меры, пролезает сквозь препоны Внешторга, производственных совещаний, плановых организаций, своей собственной легкой кавалерии, и в результате ставит перед совершившимися фактом содеянного безумного преступления, на ветер брошенных денег, доводя иной раз наглость и несознательность до вопиющего цинизма.

Московская таможня непосредственно, в первую очередь имеющая доступ к прибывающим закупкам, организовала комиссию по учету и изучению недоброкачественности импортных грузов.

РКИ и легкая кавалерия московской таможни демонстрируют наглядно образцы преступной работы, показывая товар лицом.

И не знаешь, не веришь, неужели серьезно имеют место подобные факты.

Организация Эмба-нефть закупила в Нью-Йорке (САСШ) остав „conset“ для ускорения схватывания цемента—в количестве 8.951 кг. на 2.800 долларов + 3.300 рублей пошлины. Стоимость состава равна одному золотому рублю за килограмм.

Химический анализ состава „conset“, произведенный инженером-химиком лаборатории московской таможни, показал, что состав содержит 20% хлористого кальция и 80% воды. Экспертиза свидетельствует, что „conset“ не представляет особой ценности и является побочной продукцией ряда производств.

В очищенном виде, как реактив, в Гослаборнабжении он продается в пять раз дешевле „conset“.

Лабораторией таможни приготовлен раствор соответствующей концентрации из своих материалов. Проба этого раствора на портландском цементе дала результаты, аналогичные действию „conset“.

Эмба-нефть обменяла 8.900 золотых рублей на 7.000 кг. воды и 2.000 кг. хлористого кальция.

Из Польши в адрес Центросоюза в январе текущего года прибыло 18 вагонов байки и одеял, на общую сумму в 102.927,7 долларов.

Испытание прибывшей заграничной продукции выяснило:

„...означенные ткани сделаны из хлопчатобумажной основы и некрученой нити вигенового утка (хлопчатобумажный очес самого низкого качества). Нитки утка не выдерживают никакого напряжения, так как спрядены из чрезвычайно коротких волокон (остатки волокон, полученные после отделения хлопка от семян). Разрыв польского утка на 70% ниже нашего“.

„В практике таможенного осмотра почти не встречался такой низкосортный товар“—определяют эксперты московской таможни.

Комиссия скромно отвечает:

„...означенный польский товар вряд ли может удовлетворить русского рабочего и крестьянина, требующего от мануфактуры прочности“.

Представитель закупившей товар организации, между прочим, замечает:

„Ясно, что купивший его на рубашки попадет впросак“ (протокол экспертной комиссии)!

Эксперт московской таможни констатирует:



Горелая кожа, прибывшая из Латвии

„...закупившие за границей этот низкосортный товар не задумались, как распорядиться в крестьянских руках байка подрывает доверие потребителя байки, поставщиков хлеба кооперативу“.

Ничего. Центросоюзом выход найден:

„Покупайте только на юбки“—предлагает представитель этого учреждения.

„Мы сможем подобным товаром дискредитировать себя,—говорит представитель РКИ,—мы уверены,

что никакие политические убеждения (?) не могут заставить нас покупать дрянь, тем более, что с Польшей у нас торгового договора не имеется“.

Государственная единая хлебная инспекция закупила на 5.225 зол. герм. марок алланатных и простых луп с препарировальными столиками.

Ввоз оптического товара непосредственно бьет по нашей молодой оптической промышленности. Трест точной механики и

наши оптические заводы полностью, — и количественно, и качественно, — покрывают потребность внутреннего рынка.

Зарегистрированы случаи ничем неоправдаваемой халатности. При отправке машинных частей не покрыли их брезентом, и машинные части прибыли на открытых платформах—заржавленные.

У упакованных небрежно фотографических аппаратов поломаны матовые стекла.

Авто-части акц. о-ва „Транспорт“ вследствие плохой упаковки пришли проржавевшие, и т. д.

Казалось бы, что таких недочетов в работе можно избежать при более внимательном отношении к делу.

Импортная кожа. Все ищут заграничный кожтовар. Москож как будто бы не удовлетворен качеством своей продукции. Кожимпорт идет навстречу потребителю в его желании иметь заграничный товар. 8 вагонов подошвенной кожи—68.437 кг. получаем мы из Латвии на сумму 141.719 рублей золотом + 54.968 рублей пошлины.

По фактуре значилось, что прибывшая подошвенная кожа 1-го сорта. Экспертной комиссией самого закупщика—Кожсиндиката—установлено, что прибывшая кожа—фальсификация и... горелая. На двести тысяч горелой кожи, но зато импортной, заломбированной кожи.

Самый наглый случай из импортной практики—покупка и прибытие подвижного цирка.

По разрешению № 002393 от 14/XI 1928 года, Центральным управлением госцирка куплен в Германии за 49.500 золотых герм. марок—подвижной цирк.

Что это такое?

Один фургон на колесах, деревянные стулья, шесть мест брезента (крыша), деревянные разборные детали циркового сооружения. „Детали“ представляют собой изделия из лесного материала самой грубой плотничьей работы: просто обтесанные столбы, жерди и на скорую руку сколоченные неструктурные доски.

Часть товара примитивно окрашена (покрыта раствором извести и сажи).

Семь вагонов деревянного хлама—46.230 кг.

Заканчивая печальный очерк, нельзя не вспомнить еще малелькую подробность—о покупке в Литве, сделанной Техногос-

торгом: 14.22 кг. скобяного товара на 4.872 доллара. Почти на десять тысяч рублей висячих замков, накладных задвижек, сапожнойковки гвоздей, утюгов, ручек для сундуков и другие мелочи.

И как хорошая концовка, вензель ко всему „черному списку“—подставка для утюгов, украшенная крестом и короной!

Идет напряженная работа по выполнению пятилетки. А одновременно кто-то



Деревянное оборудование для цирка

занимается импортным безумством и обменивает золотую валюту на щепки.

Вл. Васильев

НА МОТОРЕ ПО СНЕГУ

Письмо с пути Снимки А. Скурисина

Уже два дня метелица. Наши верные стальные кони ощупью продвигаются в полнейшей тьме.

Вдруг резкий треск, и машина, взяв глубокий крен, стала медленно опускаться в широкую, теплую от фабричных вод полинью.

Механик и представитель Наркомпочтеля, почувствовав опасность, ловко выпрыгнули из небольшого оконца кабинки. Кое-как освободив ноги, командор Розанов тяжело падает в воду и выкарабкивается на лед. Водитель Кузнецов, забравшись на радиатор, „рыбкой“ летит на неровную поверхность подламывающегося льда.

На помощь спешит водитель Кароль, сажает мгновенно заledenевшего командора и, набавляя газ, летит к городу.

Но... в трехстах метрах от первой полиньи он попадает в новую. Механик и водитель успевают выпрыгнуть на лед, командор опять в воде, а спецкор „Комсомольской Правды“

Утреннее солнце поднимает нас на ноги! Спешим к саням. Запускаем моторы.

Оператор в иступлении вертит ручку киноаппарата.

Трогаемся в путь, но как? Через каждые 20—30 шагов остановка, и весь наличный состав экспедиции, утопая по пояс в снегу, рубит толстые березы, ломает дикий кустарник, расчищает путь стальным коням, которым тесно в тяжелых объятиях леса, и на руках вытягивает их из гигантских сугробов.

Через восемь часов изнурительной работы, подвезжаем к хутору.

— Где бензин? Вам должны были доставить его из Москвы.

Но горючего нет, и мы, кроме командора, отправившегося за 25 километров на ближайший телеграф, пользуемся неожиданным отдыхом.

Снова в пути. Снова мелькают деревушки, красные плакаты с приветствиями от сельсоветов, опешившие, никогда не видевшие автомобили крестьяне.

— Товарищ, дай перед смертью попробовать машину, — упрашивает седая борода и расчерченное глубокими морщинами лицо древнего старика.

Но лишь изредка нам удается удовлетворить подобные просьбы: мы спешим в длинный 4.000-километровый путь, спешим перенять раннюю весну, теплую, талую погоду, которую нам предсказывают метеорологические станции.

Наш приезд — большое событие, он будоражит заснувшую в снегах деревню.

В селе Луптюжское, Северодвинской губернии, крестьяне, узнав о прибытии никогда не виданных саней, приезжали целыми семьями из других волостей, захватывали продовольствие, неделями запряжали базарную площадь, „христом богом“ напращиваясь по избам переночевать.

В одном из сел на полчаса прекратили свадьбу. Услышав треск пропеллеров, вся публика, во главе с попом в облачении, разодетой невестой и расфранченным женихом, высыпала на крыльцо церкви и позабыла о „торжественном предрассудке“.

— Товарищ, повремените малость, я напишу жалобу на непорядки. Отвезите в Москву заявление, — упрашивают в деревнях.

Но дожидаться некогда.

— Сзади идут еще сани водителя Ка-



Перед отходом

Весь день шли хорошей, наезженной дорогой мимо маленьких деревушек и крупных сел.

А вот к вечеру попали в непроходимую глушь, в море вечно-зеленой хвои — в знаменитые дремучие Ветлужские леса, где некогда скрывались от царской опричнины раскольники, единоверцы и хлысты.

Узкая, едва заметная тропа, по которой мы пробираемся, окончательно заросла кустарником и завалена гнилыми стволами деревьев.

Холодно. Чувствуешь, как мороз пробрался под теплую шубу, гуляет в валенках и рукавицах.

Впереди — гигант — водитель согнулся над „баранкой“ руля. Ему ничего не видно. Переднее стекло замерзло, фонари загорошило снегом.

Машина остановилась. Из темноты появляется маленькая фигурка командора.

— Ребята, дальше идти нельзя. Мы рискуем пропеллерами и машиной. Придется почевать в лесу.

Перспектива ночевки под открытым небом в 30-градусный мороз — весьма незаманчива. Кругом ни души, не видно гостеприимного, манящего теплом и сытным ужином приветливого деревенского огонька.

Вылезает из машин. Плюхаемся по поясу в девственную целину, заботливо укутываем чехлами моторы.

Хочется есть и пить, — с раннего утра не было возможности поесть. Через полчаса на полянке, в вырытой до земли снежной яме, пылает костер. С волчьим аппетитом набрасываемся на еду.

Всего семь часов вечера, а уж кругом ни зги не видно. До рассвета двенадцать часов. Чтобы скоротать время, открываем „вечер воспоминаний“. Командор рассказывает о самом ярком моменте пробега — „купании“ в Волге.

Из Костромы вышли поздно, — уже темнело, когда сани, лавируя между ледяными торосами, прыгали на ухабах и носясь от берега к берегу, летели по широкой глади реки. Но вот впереди замигали огоньки Кинешмы, и через несколько минут нас встретил автобус местного Автодора.



В путь

тов. М. Розенфельд уже затыгивало под Кароля поймала его за воротник шубы и вытянула на лед.

С берега несутся тревожные гудки лесозавода „Заветы Ильича“. Толпы рабочих, захватывая на бегу доски, канаты и багры, спешат на помощь.

А в это время командора и тов. Розенфельда уже „распаковывают“ в кочегарке и отогревают водкой.

Воспоминания кончаются, всех тянет ко сну. Четверо остаются в санях, заходят в кабинки и пробуют заснуть. Остальные отправляются в обнаруженную разведкой и расположенную недалеко от стоянки заброшенную хибарку лесного кордона.



В ветлужских лесах

роля, — заявляет командор. — Отдайте ему записки. Он довезет.

Бор. Грозов

МЮЗИК-ХОЛЛ—ПЕРВЫЙ ЭСТРАДНЫЙ ТЕАТР

Попытка создания первого эстрадного театра возникла в разгар кризиса советской эстрады, в момент, когда больше всего говорили о непригодности старого эстрадного репертуара, о том, что эстрада стала рулоном враждебных нам классовых элементов, и т. д. В попытках создать новые формы эстрадной работы было решено превратить „Мюзик-холл“ в театр обозрений — „ревю“, по термину, заимствованному на Западе. Защитники „ревю“ говорили о его динамичности, красочности, о возможности отражения в „ревю“ в сатирическом разрезе наиболее острых политических проблем. Это, конечно, было наивно и указывало на непонимание ими самой сущности „ревю“. „Ревю“ — типичный продукт западной капиталистической культуры, и в нем наиболее ярко отражается влияние экономического базиса на искусство.

Конечно, многое в западном „ревю“ может быть с успехом использовано и у нас с точки зрения чисто формальной — массовое движение на сцене, необычайная динамичность, синкопическая музыка, сочетание элементов сатирически-разговорных, музыкальных, хореографических и т. д. Поэтому нужно было взять те элементы из западного „ревю“, которые приемлемы для реали-



Акт. Н. Розенель и К. Эгерт в пьесе „Комета“

зации нашего словесного материала, и в этом словесном материале найти такой тип театра, который по своей динамичности и злободневности содержания являлся бы одновременно и наиболее развлекательным, и наиболее политически-острым типом зрелища. Мы уже имеем сейчас три постановки „Мюзик-холла“. Надо указать, что если в порядке своей последовательности „Последний извозчик“, „100 минут репортера“ и „Туда, где льды“ они в смысле чисто конструктивном, декоративном — прогрессируют, то в смысле художественном, с точки зрения идеологической и самого качества театрального действия, они не могут быть признаны ни в какой степени удовлетворительными.

У „Мюзик-холла“ не было никакой постоянной труппы, у него заранее на год

были подписаны контракты с иностранными артистами вне зависимости от содержания его будущих спектаклей, у него, наконец, была старая традиция привлекать публику на определенный „аттракцион“ или на определенные крупные актеров. При таких условиях, конечно, никакое нормальное театральное действие невозможно. Поэтому получилось то, что весь словесный материал приспособлялся к требованиям и индивидуальным свойствам „основных номеров“, т. е. совершенно обратное нормальному положению, когда театр со всеми его средствами приспособляется к тому, чтобы с наибольшей выразительностью и художественной четкостью выполнить словесный материал, получаемый им от драматурга. И между тем, все-таки все эти „ревю“ при полной никчемности своего словесного материала были занимательны. Объясняется это тем, что зрелище брало своей динамикой, красочностью известным техническим трансформационным совершенством и тем, что оно сопровождалось массовым танцем и соответствующей ему ему музыкой.

В смысле конструктивном и в совершенствовании своей постановочной части театр двигался вперед. Если провести линию от первой постановки, где самые простейшие конструкции не двигались и не действовали и вообще иногда были ни к чему, к последним, где все находится в движении и производятся очень сложные действия; напр., механизирована палуба качающегося парохода, движение льда и т. д., то в этом направлении имеется уже значительный успех. Но во всем остальном, а именно — в разработке словесного материала, в создании квалифицированной труппы, при которой отдельные опереточные гастролеры могли бы вносить необходимую динамику и оживлять действие, но не вредить подаче словесного материала (что от них и нельзя требовать), пока что не сделано ничего, и это — основная и насущнейшая задача этого театра. Совершенно случайно могут выявляться те или иные моменты, необходимые к учету при создании этого нового вида зрелища.

Например, между двумя программами „Мюзик-холла“ была поставлена небольшая вещь А. В. Луначарского — „Комета“, в которой играли Н. Розенель и К. Эгерт. Вещь одна-актная, введенная в качестве идеологиче-



„Туда, где льды“

ского придатка к программе, составленной из отдельных эстрадных номеров, имела, между тем, довольно значительный успех. Нельзя не быть строгим при оценке последнего обозрения „Туда, где льды“. В той части обозрения, где имеется материал агитационного порядка, где гротескно изображены наши враги, представители милитаристических кругов капиталистических стран, представители буржуазии и т. д., — театр впал в примитивнейшую ошибку. Он начал их подавать жалкими ничтожествами в агитационном плакатно-сатирическом стиле и этим самым испортил неплохой словесный материал. Публика не воспринимает эту часть спектакля; между тем, в театрах, где эти вопросы трактуются по-настоящему и персонажи отрицательные и положительные подаются в их действительных качествах и свойствах, спектакль производит то впечатление, которое желательно с точки зрения его социальной установки.

Этот год в деле создания эстрадного театра неизбежно отражает и все его неизжитые недостатки, и сделанные им за этот период достижения. Несомненно, что, учтя их, мы сумеем в будущем году подготовить его в полной мере к своему назначению, т. е. обслуживанию массового зрителя специальной формой театрального зрелища, которое, не отличаясь грубой агитационной нарочитостью, сможет оказывать большое и положительное влияние в деле политического перевоспитания широких масс зрителя.

П. Раич

„МАТРОС ИВАН ГАЛАЙ“



К хорошим деревенским фильмам советского кино, т. е. к фильмам, дающим правдивое жизненное обозрение сегодняшней деревни, к фильмам, агитирующим действительно, без сиюминутности и „пейзажства“ за перестройку быта нашей деревни, за ее механизацию, за культурную революцию, к фильмам, актуально помогающим деревенской бедноте в ее борьбе с кулачеством, — следует, несомненно, отнести и одну из последних картин „Межрабпом-Фильм“ — „Матрос Иван Галай“, — первую самостоятельную работу молодого режиссера Я. Уринова. Героем этой картины является трактор, основная масса — крестьяне станции Грушевской на Дону. На снимках — кадры из фильма

НАШИ ФОТОГРАММЫ



ПЛЕНУМ ЦК КОМСОМОЛА. На 3-й пленум ЦК ВЛКСМ 8-го созыва в Москве собралось более 100 членов и кандидатов ЦК. Одним из основных вопросов пленума явилось обсуждение предстоящей проверки рядов комсомола.

На снимке: общий вид заседания пленума ЦК комсомола.
Фот. С. Фридлянда



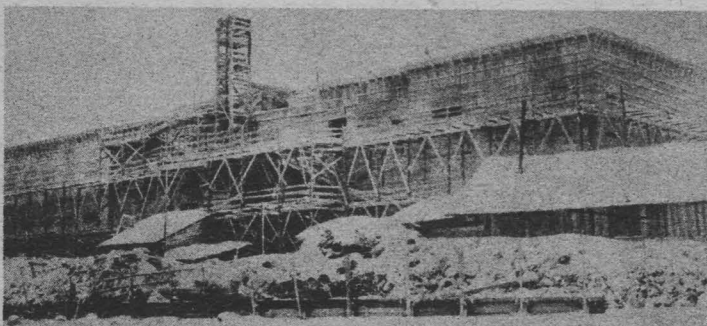
МЕСЯЧНИК СБЕРЕЖЕНИЙ весьма успешно проводится по всему Союзу. На снимке: писмоносец принимает вклад от батрачки в одном из сел Вологодской губернии.

Фот. И. Толчельникова



НОВАЯ НАСОСНАЯ КАНАЛИЗАЦИОННАЯ СТАНЦИЯ заканчивается постройкой в Ленинграде. На снимке: укладка выводного трубопровода новой станции через специальную прорубь во льду на дно Финского залива.

Фот. Г. Далматова



БУДУЩЕЕ ЗАДАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЛАБОРАТОРИИ академика И. П. Павлова в Ленинграде вториче закончено. Здание строится целиком из теплого бетона.

Фот. С. Шеммота



III СЪЕЗД ПРОЛЕТАРСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА всесторонне обсудил вопрос о необходимости теснейшего сближения вузов и втузов с производством и руководства студенческими организациями со стороны профсоюзов.

На снимке: открытие съезда в Центральном Доме Красной армии в Москве.
Фот. М. Хана



РАДИО В АРМИИ. В общем количестве радиолюбителей Союза красноармейцы занимают далеко не последнее место.

На снимке: красноармейцы слушают передачу в ленинском уголке роты.
Фот. М. Рыжака



ВОСЬМИДНЕВНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КУРСЫ организованы Щелковским райкомом, Московского уезда. При курсах устроено общежитие, столовая, библиотека и кино-передвижка.

На снимке: курсанты на занятиях.

Фот. П. Ефимова



ПРОТИВ ТЕМНОТЫ И НЕВЕЖЕСТВА. В целях прекращения легенд о якобы сохранившихся в подвале нижегородского кафедрального собора могах, специальной комиссией было произведено вскрытие ряда гробниц. Никаких мощей, конечно, не обнаружено.

Фот. Н. Кацелюша

„ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ“—НОВАЯ ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Серия одиннадцатая — „ХОРОШИЙ ЛИ ВЫ СПОРТСМЕН?“

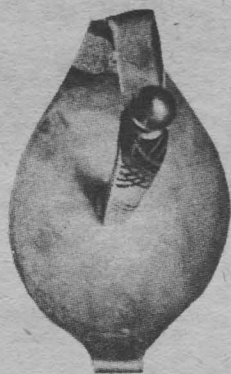
Каждый предмет имеет какое-либо определенное назначение. Если кто-нибудь попытается бутылкой заколачивать гвозди,



когда рядом лежит молоток, или будет взбираться в свою квартиру по водосточной трубе через окно, имея в кармане ключ от двери, или будет учиться форте-

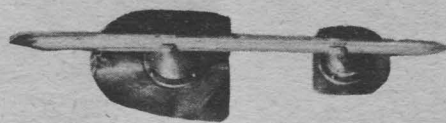


пианной игре на пишущей машинке, то для всякого нормального и здравомыслящего гражданина будет ясно, что этот человек использует свою голову не по ее прямому назначению.

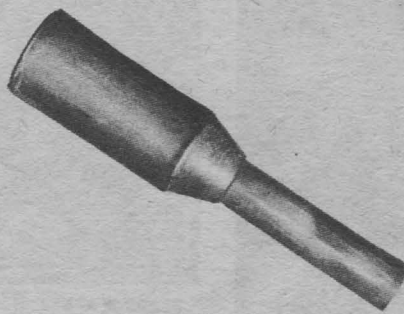


Совершенно другая картина получится, если мы допустим, что у этого человека нет ни молотка, ни ключа. В этом случае все вышеописанные операции приобретут некоторый смысл. Правда, бу-

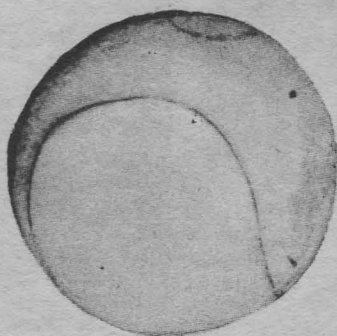
тылка—инструмент несколько хрупкий, но если под рукой нет ничего другого, то все же попытаться забить гвоздь, если он небольшой, можно. Правда, карабкаться по водосточной трубе рискованно, но если ключа от двери нет, а в квартиру попасть нужно, то имеет смысл пойти на этот риск.



Но для того, чтобы сделать и то, и другое, нужно обладать некоторым умением, известными спортивными наклонностями. По мнению некоторых ярых пинг-понгистов,



ничто так не приучает к заколачиванию гвоздей бутылками, как игра в пинг-понг, а для влезания по водосточным трубам лучшим упражнением, как утверждают

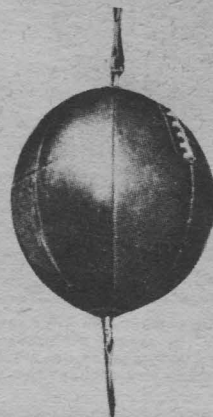


специалисты, является горно-лыжный спорт.

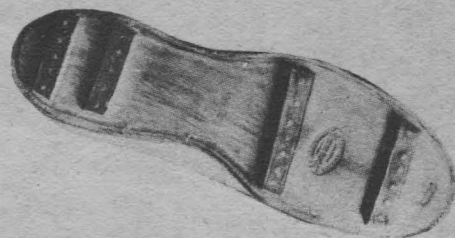
Можно без конца продолжать перечень тех случаев, когда человек должен быть спортсменом. Но мы на этом остановимся.



Нужно лишь помнить, что может притти время, когда умение и физическая ловкость могут понадобиться не только для



таких мирных задач, но и для того, чтобы бороться с теми, кто ныне использует предметы не по их прямому назначению, пытаясь предотвратить войну, изобретая



усовершенствованные бомбометы и дальнобойные орудия. Тогда от каждого человека потребуются ловкость и находчивость, которые сможет им дать только спорт.



Теперь проверьте, хороший ли вы спортсмен, и укажите, для каких видов спорта употребляются предметы спорт-инвентаря, фотографии которых здесь напечатаны.

Ответы к десятой серии игры «Герой нашего времени»

1. В клубе злоупотребляют показыванием кинокартин самого „легкого“ характера.

2. Единственный доклад посвящен „причинам плешивости“, что мало интересно для большинства посетителей клуба и не содействует поднятию их культурного уровня.

3. Кружки при клубе не рассчитаны на привлечение взрослого рабочего.

4. Отертые катки назначено тогда, когда уже всюду начинает таять.

5. В клубе слабо борются с хулиганством, что видно из того, что в надписи „Курить не разрешается“ „не“ перечеркнуто.

6. Клубный буфет торгует по очень дорогим ценам.

7. Клуб не борется с алкоголизмом, что видно из того, что пиво, которое не продается на вынос, очевидно, продается распивочно.

8. На портрете Тургенева написана дата 1829—1929, в то время как эта дата относится к юбилею Грибоедова.

9. Книжный шкаф заклеен клубным расписанием.

10. При клубе нет раздевальни.

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника воспрещается. РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОНТОРА — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 3-12-56. Отд. Распростр. — 5-51-69 и 1-35-28; Почт. подотдел — 4-28-45. МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — 1-28-19 и 1-28-20. РЕКЛАМНЫЙ ОТД. — 3-91-48. Бюро иногородних объявлений — 4-64-40. Адрес для телеграмм: Москва „Огонек“. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1, тел. 5-26-09. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1929-й г.: „ОГОНЕК“ с приложением. Библиотеки „Огонек“ (2 кн. в неделю): на год — 13 р. 50 к., на 9 мес. — 10 р. 75 к., на 6 мес. — 7 р., на 3 мес. — 3 р. 75 к., на 1 мес. — 1 р. 40 к. „ОГОНЕК“ без приложений: на год — 4 р. 50 к., 9 м. — 3 р. 60 к., 6 мес. — 2 р. 40 к., 3 мес. — 1 р. 20 к., 1 мес. — 40 к. ЗА ГРАНИЦУ — „ОГОНЕК“ с приложением Библиотеки „Огонек“: на год — 6 долл. 75 цент., на 6 мес. — 3 д. 50 ц., на 1 мес. — 70 ц. „ОГОНЕК“ без приложений: на год — 2 долл. 25 ц., на 6 мес. — 1 д. 20 ц., на 1 мес. — 20 ц.

Главлит № А 34.636. Офсет-печать типо-литогр. Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“, Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26. Тираж 430.000

ЗА РУЛЕМ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ АВТОМОБИЛИЗАЦИИ И ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В С.С.С.Р.

ПРИЛОЖЕНИЕ: СПРАВОЧНАЯ КНИГА АВТОДОРОВЦА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 9 мес. (с 1/IV)	18 кн.	— 3 р. 80 к.
на 6 мес.	12 "	— 2 р. 50 к.
на 3 мес.	6 "	— 1 р. 30 к.
на 1 мес.	2 "	— 50 к.
на год (с 1/I)	24 "	— 4 р. 50 к.

СПРАВОЧНУЮ КНИГУ АВТОДОРОВЦА—ЗА ДОПЛАТУ В 1 РУБЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ: БИБЛИОТЕКА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ

на 9 мес. (с 1/IV)	— 2 р. 80 к.
на 6 мес.	— 1 р. 80 к.
на 3 мес.	— 1 р. — к.
на 1 мес.	— р. 35 к.
на год (с 1/I)	— 3 р. 50 к.

С ПРИЛ. БИБЛИОТЕКИ

на 9 мес. (с 1/IV)	— 5 р. — к.
на 6 мес.	— 3 р. 25 к.
на 3 мес.	— 1 р. 75 к.
на 1 мес.	— р. 65 к.
на год (с 1/I)	— 6 р. — к.

СОВЕТСКОЕ ФОТО

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬСТВА И ФОТО-РЕПОРТАЖА. МАССОВЫЙ ОРГАН СОВЕТСКОГО ФОТОДВИЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ

на 9 м. (с 1/IV)	18 кн.	4 р. 50 к.
на 6 мес.	12 кн.	3 р. — к.
на 3 мес.	6 кн.	1 р. 50 к.
на 1 мес.	2 кн.	— р. 60 к.
на год (с 1/I)	24 кн.	6 р. — к.

С ПРИЛ. БИБЛИОТЕКИ

на 9 м. (с 1/IV)	9 кн.	7 р. 50 к.
на 6 мес.	6 кн.	5 р. — к.
на 3 мес.	3 кн.	2 р. 50 к.
на 1 мес.	1 кн.	1 р. — к.
на год (с 1/I)	12 кн.	10 р. — к.

Принимать "Фото-Альманах" за доплату в один рубль

МАССОВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ ПЕЧАТИ

ЖУРНАЛИСТ

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ:

Партия и печать. Теория и техника газеты. Редакционная действительность. Стенные и печатные газеты в предприятиях. Литературная современность. Полиграфия. Распространение и реклама. Печать за границей, и другие.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 9 м. (с 1/IV)	18 кн.	5 р. 50 к.
на 6 мес.	12 кн.	3 р. 50 к.
на 3 мес.	6 кн.	2 р. — к.
на 1 мес.	2 кн.	— р. 70 к.
на год (с 1/I)	24 кн.	6 р. 50 к.

ЗАКАЗЫ И ПЕРЕВОДЫ АДРЕСУЙТЕ МОСКВА 6, СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР 11, АКЦ. ИЗДАТЕЛЬСК. О-ВУ „ОГОНЕК“
ПОДПИСКА ТАКЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ НА ПОЧТЕ И КОНТРАГЕНТАМИ.

Открыт прием в новую группу эдочных курсов
ц. с. о. д. с. н. По отделению/ФОТО

Фото-отделение дает полный теоретический курс по фотографии, знакомит слушателей с процессами фотографии, а также дает знания по фото-лабораторным работам, художественному фотографированию и т. д. Весь курс будет изложен в 14 лекциях—28 уроках. Срок обучения 8 месяцев.
Стоимость обучения за весь курс—15 руб.

Подробные сведения даны в проспекте, который высылается по первому требованию за 10-коп. марку.

Все запросы и деньги нужно направлять по адресу:
Издат. „ГЕА-КИНО-ПЕЧАТЬ“ МОСКВА, 9, Страстная пл. 2/42.
ОТДЕЛ ЭДОЧНЫХ КУРСОВ.

КАК ДЕЛАТЬ ПЕЧАТНУЮ ГАЗЕТУ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Серия лекций по газетному делу, организованная Кабинетом печати для работников и редколлегий фаб.-заводск. печатных газет.

1-я лекция—КАК ПИСАТЬ СТАТЬЮ

ЧИТАЙТЕ В ВЫШЕДШЕМ № 6

ЖУРНАЛИСТ

В номере статьи гг. Лазаря, Устинова, Кугеля, Михайлова и др.

ЦЕНА НОМЕРА—35 КОПЕЕК.

Продолжается подписка на 1929 год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. (24 кн.)—6 р. 50 к., 9 мес. (18 кн.)—5 р. 50 к., 6 мес. (12 кн.)—3 р. 50 к. и 3 мес. (6 кн.)—2 руб.

Перев. адресуйте: Москва 6, Страстн. бул., 11
Анцион. Издат. Обществу „ОГОНЕК“.



НОВОСТИ!

МАРИОН — ДЕЗОДОР для уничтожения ЗАПАХА ПОТА и ПУТЛИВОСТИ подмышками и ног. Коробка 75 к., при 6 кор. пересылка бесплатно. Продается в аптеках, магаз. санит. и гигиены, Гум'ах, Универсаме и кооперат. Москва 34, Еропкинский пер. 10, кв. 1. Лаборатор. М. ГАЛЬПЕРИН.

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК ХУДОЖЕСТВЕН. ПОРТРЕТ УВЕЛИЧЕННЫЙ

роскошно отделан. тушью исполненный с любой присланной фотографич. карточки. Размер: с паспарту 27 × 84 см.—5 р., 32 × 40—6 р., 44 × 53—9 р. 50 к., 54 × 68—12 р. 50 к., 70 × 80—18 р., тон сепия (коричневый) на 20% дороже. Кравками на 50% дороже. Заказы высыл. через 15 дн. нал. плат. без задатка. Карточка возвращается. Москва, 15, ул. Мишина 46. Худож. мастерск. А. ЮДИНОВСКОГО.



УНИВЕРСАЛ. Усовершенствованный ВОЛОСОДЕРЖАТЕЛЬ. Необходим для всех видов СПОРТА, КУПАНИЯ, ПЛЯЖЕЙ и т. д. ВЫСЫЛАЮТ НАЛ. ПЛАТ. В 3 ДН. СРОК.

С № 7 журнала „ЗА РУЛЕМ“

начнут печататься два цикла статей: проф. Е. А. Чудакова—„УСТРОЙСТВО АВТОМОБИЛЯ“ и М. А. Дьякова—„РЕМОНТ МОТОЦИКЛА“.

ГОСТРЕСТ



ПРИДАЕТ ЛИЦУ СВЕЖЕСТЬ И НЕЖНОСТЬ

ЦЕНА 2 РУБ.

ТРЕБУЙТЕ ЛУЧШУЮ ГУБНУЮ ПОМАДУ
ЦЕНА: 1 р. 50 к. шт.

С этим № „ОГОНЬКА“ по 2-му и 3-му АБОМЕМЕНТАМ рассылаются книжки „Библиотеки ОГОНЕК“:
Н. КРЫЛЕНКО — Через Местийский перевал; ДЖОНАТАН СВИФТ — Путешествие в Лапуту.

ГОС. ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЭНДОКРИНОЛОГИИ
НАРКОМЗДРАВ'А

ВЫПУЩЕН ГИЗЗ в ПРОДАЖУ — 20

СПЕРМОКРИН

ПОКАЗАН
ПРИМЕНЕНИЮ при:
НЕБРАСТЕНИИ,
ПОЛОВОМ БЕЗНАМИИ,
СТАРЧЕСКОЙ САДОВИСТИ,
АРТЕРИОСКЛЕРОЗЕ,
„МАЛОКРОВИИ“



ПРОДАЖА
ВО
ВСЕХ
АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ
САНИГИЕНЫ

ЦЕНА
ФЛАКОНА 30.0
1 р. 50 к.

ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ

АДРЕС ИНСТИТУТА: МОСКВА, Б. ДОВОЙНИКОВЫЙ пер. 10

ПРЕСТУПНИКИ ЗАП. ЕВРОПЫ

Выдающиеся уголовные
процессы посл. времени.

Убийца 24-х. — Убийство и
самоубийство. — Человек в
масках. — Смит — синяя бо-
рода. — Незаменимость ме-
тода. — Людов. — Цена ногги,
и др. Сост. Б. С. Утевский.
Цена 1 р. 60 к., с перес.
1 р. 80 к. Можно наложен-
ным платежом.

Заказы направлять:
Москва, ГСП/2, Ильинка, 21/а
Изд-во НАРКОМВНУДЕЛ.

Александр БЛОК

Посмертное собрание сочи-
ний в семи томах, в трех ро-
скошных коленкорových пере-
платах с золотым тиснением.
Берлинское издание. Ц. 13 р.
Высл. нал. плат. Выставшие
деньги вперед за пересылку не
платят. Заказы направлять:
Акц. О-ву „МЕЖДУНАРОДНАЯ
КНИГА“. Москва, Кузнецк. М., 18.

ХУДОЖЕСТВЕННО УВЕЛИЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ
Роскошно отделанный тушью, по-
полненный с любой фотограф. кар-
точки, размер в паспарту 27×34 см.
5 р. 82×40 см. — 6 р., 44×53 см. —
9 р. 50 к., 54×68 см. — 12 р. 50 к.;
70×80 — 18 р. — тон сепия, коричнев.
на 20% дороже. Красками на 50% до-
роже. Заказы высылаются через
15 дней нал. плат. без задатка.
Карточка возвращается. Агентам
и фотографам скидка. Худож. ма-
стерская А. Лоншин. Москва, Пе-
тровский бульвар 29, кв. 1.

ЛЮБУЮ КНИГУ

высылает наложен. платежом
ИЗД-ВО ПРОСВЕТА. ОБ-СТВА
„ПРОМЕТЕИ“ Москва, Центр,
Никольская 3/0.

Новое 4-е издание 1929 г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ

(НЕ ПРИБЕГАЯ К АБОРТУ).
Лучшая книга по этому вопросу
А. Осний, с рис. в тексте. 1 р. 50 к.

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Половая жизнь, формы любви, по-
ловые извращения, половая гигие-
на, болезни и мн. друг., проф.
А. Форель в 2-х том. Ц. 4 р. 50 к.

ПОВАРЕННАЯ КНИГА

Кондратьева (40-лети. практика)
1025 блюд мясных, рыбных и вегета-
ральных, соленья, пригот. в
конфет, печений, вин и мн. др.

МЕНЮ НА ВСЬ ГОД

Цена 2 р. 85 к.

КОСМЕТИКА

Красота тела и его здоровье. Уход
за красотой лица и волос (выпаде-
ние волос, седение, облысение, при-
ческа, угри, красный нос, морщи-
ны, цвет лица) недостатки фигуры
и многое другое. Слетов. 28 г., с
рис. Ц. 3 р. 30 к.

ВОПРОСЫ БРАКА

Гигиена половой жизни в браке
Проф. А. Нейсер. Ц. 1 р. 85 к.

ИСПРАВЬТЕ ПОЧЕРК!!! КРАСИВО ПИСАТЬ ПРАВИЛЬНО

СКОРО! научитесь, приобретя СА-
МОУЧИТЕЛЬ каллиграфии и ис-
правления не красивого почерка.
27 г. Сост. Москвитин. Ц. 1 р. 75 к.

КАК ПИСАТЬ СТАТЬИ, СТИ- ХИ, РАССКАЗЫ.

5-е изд. 29 г. Шенгели. Ц. 1 р. 20 к.

ШКОЛА ПИСАТЕЛЯ.

(Основы литературной техники).
ЕГО МЕ. 1929 г. Ц. 1 р. 80 к.
(Цены указаны с пересылкой).
МОСКВА, Китайгор. ст. п. № 7/3
или почт. ящ. 867/3. Книжки. Дело
„БУКИНЕРИ“ И. А. Дувидзон.
На отя. и за книги можно почт. марк.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ ЭЛЕКТРОТЕХНИКОВ

ВСЕ ОТДЕЛЫ
ЭЛЕКТРО-
ТЕХНИКИ

„СЭТ“

ОРИГИНАЛЬ-
НЫЙ КОЛ-
ЛЕКТИВНЫЙ
ТРУД

Под общей редакцией профессоров: М. А. Шателена, В. Ф. Мит-
кевича и В. А. Голыникова. Подписная цена на все 4 тома —
сорок (40) руб. Задаток при подписке шесть (6) рублей.

Вышли из печати I и III томы.
Все издание будет закончено до конца текущего года.
Подробные проспекты — бесплатно. Запросы, подписку и задатки
направлять: Ленинград, Мойка, 53/0. Изд-во НУБХУ.

ЧУДЕСА без ЧУДЕС

Интересн. забавн.
ЗАНИМАТ. ОПЫТЫ
Разъясн. фокусов, основ. на
закон. физ.: Женщина без туло-
вища, Неогор. нити, Волшебн.
стена и друг. 296 стр. 150 рис.
Ц. 1 р. 65 к. с перес. Москва,
Моховая 22/3,
Кооп. Т-во „САМОУБРАЗОВАНИЕ“

РЫБОПРИИМКА „РАФНИ“

Имеет притяг. для рыбы запах,
необх. при всякой ловле везде.
Разреш. № 3329. Анализ № 296.
Прод. в магаз. охотн. и рыбод.
принадл. и др. Высыл. со склада
не менее 6 куск. по 75 коп. за кус.
с пер.; оптом — скидка. Остерег.
подделок. Архангельск, улица Эн-
гельса, № 84/3. А. М. Малаков.



Россетерский восстановитель „ЭЛЭМ“
постепенно возвращает седым волосам их натуральный
цвет, блеск и вид молодости, предохраняет от выпаде-
ния, уничтожает перхоть. Флакон 2 р. 75 к.

ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M. — „ЭЛЭМ“ —
порошок для моментального уничтожения волос,
где того требует гигиена — красота тела. Банка
3 руб. 50 к. и 1 р. 75 к.

Асептическое желе — лучшее средство для успокоения
раздраженной бритвенной кожи и пре-
ращения кровоточения при порезах. Туба 30 к. и 60 к.
Города во всех аптеках магаз. сангиг. и универс. В случае от-
сут. на месте выс. нал. плат. по получ. 1/2 стоим. (почт. марк.).
Кооп. „ЭЛЭМ“ Москва 9, Тверская 15, отд. 1.



МОСКРЕПРОМСОЮЗ
ТРЕБУЙТЕ ЛУЧШУЮ ПАСТУ ДЛЯ ОБУВИ
„ЭКСТРА“ и „ФУНК“
производство МОСКХИМОБЪЕДИНЕНИЯ
Москва, Рыбный пер., Старо-гостин. двор, пом. 30.



Госиздат РСФСР
ВНИМАНИЮ ИЗУЧАЮЩИХ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
вышла новая книга С. Г. ЗАЙМОВСКИЙ.

НАСТОЛЬНЫЙ АНГЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ

5-е переработанн. и расширенн. издание (Slang, Americanisms,
Idioms, Colloquial English). Стр. 720. Ц. в коленкор. перепл. 4 р. 25 к.
Все существеннейшие приращения языка послевоен-
ного периода нашли свое отражение в словаре
В СЛОВАРЕ 50.000 СЛОВ
ПРОДАЖА во всех магазинах ГОСИЗДАТА
по ПОЧТЕ книгу высылает наложен. платеж. по получен.
1 р. 25 к. (можно почт. марк.) Москва 64, Госиздат „Книга
Почтой“. При высыл. всей стоим. вперед перес. бесплатно.

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА! ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ ЖЕМЧУГА

искусств., массивн., тяжеловесн., не бьющ., не отлич.
от настоящ., 42 см., с серебр. замк. — 9 руб., 50 см.
с серебр. замк. — 11 р., 65 см., с серебр. замк. — 14 р.
130 см. — 23 р., 150 см. — 27 р., 170 см. — 31 р.
СЕРЬГИ франц. типа „КЕПТА“ серебр., последн. модн.
фасон. — 4 р. 65 к. Упаковка, пересылка и страховка
посылки бесплатно. Высылаю наложен. платежом.
Имеется много благодарностей.
Ленинград 40, Пушкинск. 10, кв. 66, А. В. Штейн

НЕ ТРЕБУЕТСЯ ЗНАНИЯ НОТ Новый общий самоучитель

для ГИТАРЫ,
МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ
с нов. песнями, романс. и пр.
Цена 2 р. 50 к.

для ГАРМОНИИ

(двухр.) такой же самоуч. с 30
муз. № высыл. за 2 р. 25 к.
Москва, Политех. музей 110/0.
Кооп. Т-во „Культура и Знание“.



любые немедленно высл. наложен.
плат. МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА
(Москва, Нелминная, 14/10),
КАТАЛОГИ (Фортетман., вокаль-
ный, болш. дузов. орк., струнный,
мас. худож. литер. книг по музыке).
ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО!

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ТОЛЬКО
ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОЙ
ЗУБНОЙ ПАСТОЙ

ХЛОРОДОНТ

КОНЦЕССИОННАЯ ФАБРИКА ЛЕО-ДРЕЗДЕН, МОСКВА, ОЛЬХОВСКАЯ 14.

Рейламбуро „ОГОНЕК“ Москва, Страстной бульвар 11.